

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

№ 2, 1996

**И те, кто оступились,
не потеряли право
на "обратный отсчет"**

Читайте
на стр. 20-25:

СОГЛАШЕНИЕ

между Гильдией российских адвокатов и Главным управлением исполнения наказаний Министерства внутренних дел Российской Федерации о сотрудничестве

Гильдия российских адвокатов в лице президента Мирзоева Гасана Борисовича, действующего на основании Устава, и Главное управление исполнения наказаний МВД России в лице начальника Калинина Юрия Ивановича, действующего на основании Положения, именуемые в дальнейшем Сторонами,

в целях обеспечения прав человека в местах лишения свободы, определенных Конституцией Российской Федерации, Всеобщей декларацией прав человека, законом Российской Федерации "Об органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы", Исправительно-трудовым кодексом РСФСР, законом Российской Федерации "О средствах массовой информации",

осознавая необходимость дальнейшего совершенствования и гуманизации уголовно-исполнительной системы,

стремясь углубить взаимодействие адвокатуры и органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, с целью обеспечения правовой защиты лиц, лишенных свободы, а также правовой и социальной защищенности сотрудников,

понимая роль средств массовой информации в деле формирования правильного общественного мнения о деятельности пенитенциарных учреждений, повышения правовой культуры граждан,

заключили настоящее Соглашение по следующим направлениям:

ГИЛЬДИЯ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ НАМЕРЕНА:

*оказывать льготную юридическую помощь подразделениям ГУИН МВД России по правовым, экономическим, коммерческим и другим вопросам;

*организовывать выездные юридические консультации по приему осужденных, а также сотрудников учреждений, проводить "круглые столы", региональные совещания, другие мероприятия по вопросам правового просвещения;

*вести в журнале "Российский адвокат" рубрику "Российский адвокат" в зоне", освещающую проблемы пенитенциарных учреждений, публиковать материалы в защиту прав и законных интере-

сов осужденных, их родственников, а также персонала учреждений, регулярно помещать на страницах упомянутого издания ответы авторитетных адвокатов, правоведа, ученых, ответственных работников органов исполнительной власти, публицистов на письма осужденных и сотрудников ИТУ, поступивших в различные инстанции;

*готовить юридические консультации, другие актуальные материалы для их опубликования в региональных многотиражных газетах для осужденных;

*давать на страницах журнала рекламу, другую информацию, способствующую привлечению заказчиков, деловых партнеров, решению других вопросов по оказанию помощи учреждениям УИС.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ МВД РОССИИ НАМЕРЕНО:

*предоставлять членам Гильдии и редакции журнала "Российский адвокат" информацию о положении дел в пенитенциарных учреждениях, давать консультации, знакомить их с проблемами и накопленным в подразделениях опытом работы;

*содействовать членам Гильдии и сотрудникам упомянутого журнала в посещении ими мест лишения свободы, подготовке публикаций, проведении перечисленных выше мероприятий;

*содействовать в информировании персонала пенитенциарных учреждений и лиц, содержащихся в местах лишения свободы, о целях и задачах журнала "Российский адвокат", пропагандировать публикации журнала, способствовать организации подписки на него.

Стороны будут прилагать все усилия к тому, чтобы расширять и совершенствовать формы и методы сотрудничества, а при необходимости заключать отдельные договоры по конкретным направлениям совместной деятельности.

Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его подписания, действует без ограничения срока по согласию обеих Сторон.

Совершено в г.Москве 6 февраля 1996 года в двух подлинных экземплярах для каждой из Сторон, имеющих одинаковую силу.

ПОДПИСИ СТОРОН:

от ГИЛЬДИИ РОССИЙСКИХ
АДВОКАТОВ

Президент

Г.Б.Мирзоев

от ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
МВД РОССИИ
Начальник

Ю.И.Калинин

РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ

ОБЩЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 2, 1996

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОСНОВАН В АПРЕЛЕ 1995 г.
Выходит один раз в квартал

Учредитель - Гильдия
российских адвокатов

Журнал зарегистрирован
Комитетом РФ по печати.
Свидетельство N 013485

Редакционный совет
Г.Б.Мирзоев (председатель
редакционного совета)
П.Г.Бунич
В.В.Витрянский
Д.А.Керимов
В.А.Ковалев
Н.Н.Клен
О.Е.Кутафин
А.Н.Малаев
М.А.Митюков
В.И.Радченко
А.А.Рогаткин (заместитель
председателя редакционного
совета)
В.С.Регин
Б.С.Саликов
В.Г.Стрекозов
С.В.Смирнов

Главный редактор
Р.А.Звягельский

Редколлегия
П.Д.Баренбойм
М.П.Вышинский
В.Е.Гулиев
Н.К.Доризо
Ю.А.Ефимов
А.Г.Звягинцев
Ю.И.Калинин
Ю.А.Костанов
В.Н.Кудрявцев
В.А.Кукленко (заместитель
главного редактора)
В.М.Савицкий
В.П.Селедкин (заместитель
главного редактора)
И.Ю.Сухарев
А.Г.Торянников
А.М.Яковлев

Отпечатано фирмой "MACRO",
Объединенные Арабские Эмираты

Адрес редакции
107120, Москва,
М.Полуярский пер., 3/5.

Тел.: (095) 917-7546;
Факс: (095) 975-2416.

В номере:

Юрий Феофанов	Адвокат: и работа, и служение	2
Николай Клен	Без объединения нам просто не выжить	5
Михаил Краснов	Инструмент народного права	8
Юлия Кириллова	Покой лишь только снится	11
Валерий Савицкий	Презумпция невиновности не должна оставаться только на бумаге	14
Фрида Юсуфова	Кибуц - значит вместе	18
Владимир Селедкин	Обратный отсчет	20
Татьяна Свит	В картотеку адвоката	26
Игорь Гамаюнов	Волчья яма	30
Зухра Зарипова	Сверяться со своей совестью	35
Сергей Золовкин	...Как милостыня неимущему?	38
Александр Панасюк	Добрый имидж адвоката	42
Кирилл Малянтович	При отягчающих обстоятельствах	44

Наша обложка:

Адвокат
Игорь Константинович Торгашев
беседует с подзащитным.

Фото Захара Романова

4-я обложка:
Весна

фото Рудольфа Рязанова

АДВОКАТ:

Юрий ФЕОФАНОВ,
главный редактор
журнала "Закон"

И РАБОТА, И СЛУЖЕНИЕ

Есть такая притча. На строительстве Страсбургского собора рабочих спросили, что они делают.

— Возу тачку с камнями, — ответил один.

— Строю Храм, — сказал другой.

Эту давнюю притчу я всегда вспоминаю, когда заходит речь об адвокатах. В общем-то это профессия, работа с вытекающими из этого обязанностями, правами, оплатой труда, оформлением документов и всей сопутствующей рутинной. Как во всякой иной профессии. Правда, адвокатский труд ближе к труду, например, врача, чем слесаря, бухгалтера или инженера. Помимо чисто профессиональных навыков, необходимо следование неким этическим принципам. Но даже если сравнивать правозащитника с врачом, то и тут есть некоторые отличия: никто не упрекает врача за оказание помощи больному или раненому, кем бы последние не были; доктор оказывает помощь страдающему телу, не заглядывая в "историю болезни души". Адвокат, участвующий в уголовном деле, первое первое как раз читает именно историю нравственной болезни своего будущего подзащитного. Болезни тяжелой, заразной, часто гнусной. И берется облегчить участь. Врач лечит и правого и виноватого; адвокат — виноватого (мы исключаем невиновных, несправедливо обвиненных; презумпция для адвоката — виновен, тяжело виновен). Это элементарно, это суть профессии. Но это именно и не приемлет искаженное народ-

ное правосознание. Адвокат "защищает преступника" — стойко укоренившийся стереотип.

Тут самое главное не в том, что некие пропагандисты права не смогли донести до народного сознания суть профессии защитника по уголовным делам. Просветительских теле- и радиобесед, умных газетных публикаций, разного рода лекций вполне хватает, все достаточно грамотны. И при всем при этом до сих пор в общественном сознании и миссия адвоката, и правовые начала вообще преломляются с большими искажениями. Это, я бы сказал, особенность народа российского: он может стать законопослушным, но идеология права никогда не овладеет его душой, как овладела она душой, например, американцев. Идеи добра, справедливости, сорбности — сколько угодно. Но не идеи холодного, равного для всех и во всех обстоятельствах права. Отсюда загадочная русская душа, отсюда "умом Россию не понять", отсюда величие русского народа... И — все его беды. Ибо, как точно сказал Николай Бердяев, "отрицание правовых начал, как низших по сравнению с нравственными, опускают нашу жизнь ниже правовых начал". А это и значит не только навязанное властью бесправие народа, но и внутреннее принятие этого бесправия народом как неизбежной данности.

Вся эта "философия" имеет самое прямое отношение к адвокатской профессии, к работе и служению правозащитника: если "поэт в России больше, чем поэт", то и адвокат больше, чем член коллегии или владелец юридической фирмы. Западнему юристу достаточно защитить перед судом интересы своего клиента, исключительно руководствуясь буквами закона; их присяжные и судьи сосредоточены на простой материи: доказано или не доказано обвинение. Российские присяжные ре-

шали куда более сложный нравственный вопрос: виновен или невиновен Человек — даже при несомненных доказательствах вины. Затасканный пример с оправданием Веры Засулич убедительное тому свидетельство. Адвокаты в уголовных процессах всегда имели это в виду, сознательно или подсознательно. И поэтому последние перед революцией полвека, прошедшие с реформы 1864 года, дали обществу блестящую плеяду русских адвокатов, которых с полным правом называли общественными деятелями, совестью общества, народными витиями. Французская юриспруденция прошлого тоже родила блистательных адвокатов, и все же, по отзывам современников, то были блестящие судебные ораторы, не претендующие на миссию совести общества: история оставила имя писателя Эмиля Золя как защитника Дрейфуса, но не юриста; дело Засулич накрепко связано с Анатолием Кони, юристом.

Выступая с речами в суде, присяжные поверенные, как до революции называли адвокатов, не просто осуществляли защиту своих клиентов, они выступали с критикой государства, в ряде случаев становились глашатаями революционных идей, которые бродили в недрах общества, провозвестниками общенациональных программ демократизации всей российской жизни. Это вызывало беспокойство самого правительства. Один из высших полицейских чинов писал в 1878 году: "Подобный характер защитительных речей, кроме влияния на неблагоприятный исход правосудия, порождает брожение и недовольство умов, подрывает в самом основании правительственный авторитет". Именно это заставило правительство начать свертывание судебной реформы 1864 года, отстраняя присяжных от участия в самых сложных процессах и передавая эти дела в военные суды.

Но что же, кажется, вспоминать дни давно прошедшие — был же потом провал истории в 70 лет. О каком общественном служении можно говорить в эпоху жестокой классовой борьбы, начатой в октябре 1917-го, ужасающих сталинских репрессий, застойных лет с тихими расправами над инакомыслящими? Какое право при беспросветном тоталитарном режиме? Какие уж там речи "вызывающие брожение умов" в судебном зале, если за одно неосторожное слово правозащитник рисковал отправиться туда же, куда заранее была predeterminedена дорога его клиенту? Подавление права, а вместе с ним независимого суда, автономной адвокатуры — это стало государственной политикой новой власти. Но что самое поразительное во всей этой инквизиционной фантазмагории так это то, что адвокатура выжила. Не справилось с ней могучее социалистическое государство, основатель коего, кстати говоря, адвокат по специальности Владимир Ульянов писал в 1920 году: "Мы разрушили в России, и правильно сделали, что разрушили, буржуазную адвокатуру, но сейчас она возрождается под прикрытием "советских" правозащитников". Чтобы пресечь "возрождение", Совнарком тут же принял декрет о введении "трудовой повинности адвокатов", т.е. фактически попытался ликвидировать даже тень независимости. Но что любопытно: в стране под властью Сталина развертывался беспредел государственного террора, а адвокатура возрождалась. Понятно, сталинский режим, социалистическое государство и компартия никогда бы не допустили ни одной независимой структуры, тем более в судопроизводстве. И тем не менее необходимо было иметь хоть какую-то видимость правосудия. Этим и было продиктовано возвращение защитника в суд, из которого в первые годы революции он вообще был изгнан. Адвокаты, как все интеллигенты, были загнаны, запуганы до такой степени, что сам Вышинский упрекал защитников в уголовных процессах за пассивность, уступчивость; ведь важно было придать некую легитимность расправы с жертвами режима через суд. Весной 1934 года Верховный суд РСФСР восстановил в адвокатуре четырех защитников, ранее исключенных за "чересчур рьяную защиту подсудимого". Так сказать, право выше власти.

Конечно, все это было шито белыми нитками. Но тем не менее советские люди не желали видеть этих ниток, а граждане зарубежные их просто не различали. Ведь даже на открытых процессах 1936-

1938 годов участвовали адвокаты. Самым знаменитым был И.Брауде. Он вынужден был защищать своего клиента так: "У нас нет возможности оспаривать доказательства, все факты доказаны, защита не намерена вступать в спор с прокурором...". Адвокату было позволено лишь обращаться с заведомо безнадежными просьбами о снисхождении.

На основании всего этого можно, конечно, сказать, что адвокаты тех времен работали на сталинский режим. Не стоит, однако, их строго судить. Стоит воздать им за то, что они в тех жутких условиях сохраняли сам институт адвокатуры. Они же отлично понимали всю степень риска участия в процессах "врагов народа" — и все же участвовали. Что же касается чисто уголовных и гражданских дел, то тут они, как правило, были на две головы выше своих процессуальных противников. Это я могу уже сам засвидетельствовать, правда, не по процессам сталинского времени, а по последующей за этим временем эпохой нашей юриспруденции.

В начале 60-х годов, в расцвет хрущевской оттепели, когда главным редактором "Известий" стал Алексей Аджубей, в стране тоже шли правовые реформы. Менялось не только законодательство, но, как нам тогда казалось, начиналась демократизация общества. Не хочу задерживать внимание читателей на характеристике той поры, скажу лишь, что наша газета печатала много материалов на правовые темы, совсем еще недавно запретные. Тогда-то я познакомился со многими видными юристами, учившимися еще у правоведов дореволюционных, переживших годы террора, но сохранивших веру принципам права. Именно тогда в "Известиях" был напечатан неведомый никому термин "презумпция невиновности", и я впервые узнал, что это такое. "Известиям" сделали в агитпроме деликатное (все же главный — зять "самого") замечание, а сам Аджубей попросил просветить его относительно главного принципа права. Тогда-то я познакомился и достаточно близко с замечательным юристом и отчаянно смелым человеком Михаилом Соломоновичем Строговичем, доктором, профессором, членкором.

Так случилось, что пятеро очень разных людей время от времени собирались на "мальчишники". Упомянутый Строгович, Александр Бовин, известный потом журналист-международник, а ныне посол в Израиле; мой шеф по "Известиям" Константин Севериков и адвокат Прохор Пашкевич; последних двух, как и Строговича, уже нет. Как это у нас принято, собира-

лись за столом, чтобы поговорить "о бабах", а говорили о юриспруденции и политике. Вот за одним из таких застолий Михаил Соломонович и сказал: "Власть всегда боится суда, любая власть".

Имелось в виду, что боится власть не суда над собой — такой страх был бы понятен в связи с разоблачениями сталинского террора, а суда как учреждения, как института государства. Только много спустя осмыслил я для себя справедливость этих слов. Поначалу же думал: чего ж ей бояться, коль и сами законы, и суд в ее руках? Но потом понял.

По своей природе власть обречена на то, чтобы командовать безраздельно. Любая власть — тираническая, авторитарная, демократическая, анархическая. Вопрос не в существе, а лишь в пределах полномочий. И демократическая власть такая же — ее лишь вынуждает общество подчиняться законам. Так вот, суд — всегда ограничитель власти: он ставит ей предел. Опять же любой суд, будь он независимым, как в правовых государствах, или находящимся в полной воле тирана. Ибо суд немыслим без процедур, и главной из них — гласной состязательности. Адвокат же неотъемлемая часть суда. Без защитника нет даже видимости правосудия. Каков бы ни был суд по форме и степени подчиненности, он не может избежать того, чтобы была выслушана другая сторона. А это уже "подрыв". Если же нет гласной состязательности — это уже не суд. Во времена расцвета сталинского террора провели три открытых судебных процесса над "врагами народа". Три спектакля, где подсудимые — актеры добросовестно играли свои роли, а финал был предreshен. Всего три открытых процесса, и то случались шероховатости. А если бы судили всех — все десятки миллионов? Где-нибудь обязательно бы срывались спектакли. Поэтому судилища и стали тайными, а то и просто расправами по спискам, естественно, без "другой стороны" — без адвоката. Судебная процедура стала бы непреодолимым барьером для массовых репрессий. И ее обошли "двойками" и "тройками".

Обо всем этом впервые я слышал из уст Строговича на наших "мальчишниках". Не могу не сказать, что этот грузный, лысый человек обладал удивительным "спокойным" мужеством в отстаивании правовых начал. Он мне показал свои статьи в периодическом издании "Проблемы уголовной политики". Так вот в книге IV на стр. 39 этого сборника, выпущенного Юриздатом, Строгович возражал против утверждений Вышинского относительно

того, что обвинение может строиться на вероятностных уликах. Нет, отвечал в своей статье Строгович, только на фактах, установленных с абсолютной достоверностью. Статью свою Михаил Соломонович показывал мне в 1962 году, когда с Вышинским спорить уже почиталось за доблесть. А опубликована-то статья была в году 1937-м!

Так адвокаты в процессах тех лет, ученые юристы в тогдашних научных дискуссиях поддерживали тлеющий уголек права. Но начал-то я этот пассаж со Строговичем с утверждения, что адвокаты застойных времен на три головы были выше их процессиональных противников. Это уже мои личные впечатления от процессов послесталинских времен. Оставляю в стороне процессы диссидентские, где за человека и право выступали такие ставшие известными адвокаты, как Борис Золотухин, Дина Кислинская и другие. Они были куда как вольнее их предшественников, но все равно стеснены в объяснении причин поступков своих подзащитных. "Победу", конечно, всегда одерживал прокурор, хотя и бесцветно зачитывал свои "улики" по бумажке. Адвокаты говорили страстно, вдохновенно и ... они сами знали перед кем мечут бисер — и все-таки делали свое дело: для них работа на клиента была и служением обществу. Не тачку с камнями катали, а строили Собор.

Но политические процессы — это особая статья. В делах обыденных уголовных — от мелкого хулиганства до убийства, от карманной кражи до миллионных хищений — речи адвокатов советских, уверяю вас, были не слабее тех, что печатались в книгах "Речи известных русских юристов", ставших тогда очень популярными. Я помню, как логично обосновал институт крайней необходимости Генри Резник на процессе райпрокурора из Абхазии, обвинявшегося в поощрении массовых беспорядков, а на самом деле спасшего от погрома население городка. Или разгром Андреем Макаровым обвинения в деле Чурбанова... Или ... Листаю вырезки своих судебных очерков почти за сорок лет... Я мог бы называть и называть имена адвокатов, но дело не в именах. Ведь и в чисто уголовных процессах они говорили в пустоту. И отлично понимали, что говорят в пустоту. Как же иначе — зал полупустой или набит отобранной публикой; прокурор и не возражает против разоблачения улик; народные заседатели откровенно скучают, а на лице судьи, ведущем допрос, многозначительная безнадежность: приговор уже переписан с обвинительно-

го заключения.

Так почему же витийствовали (в хорошем смысле) правозащитники в такой безнадежной атмосфере? Да, обязательство перед клиентом. Но главное, думаю, — профессионализм. Мастер не может плохо сделать вещь, даже если она не предназначена для сбыта. Очевидно, среди адвокатов были и халтурщики, но в массе своей они честно выполняли свой долг перед советским судом, а вместе с тем перед обществом и правом. Хотя бывали и победы.

До сих пор помню давний процесс в Мосгорсуде... Повздорили две стаи подростков — "вестсайдская история" в Дегтярном проезде. Одного убили в драке. Семнадцатилетний щупленький парень признался на следствии, а потом и в суде:

— Ударил я. Ножом. Отцовским. Сапожным.

Все ясно: признание — царица доказательств! Признания, конечно, были закреплены и подтверждены многими другими уликами и показаниями... Начал допрос адвокат Яков Швейский, и вся железная цепь доказательств рухнула. Я тогда в "Известиях" написал, как адвокат, находя одно противоречие за другим, сокрушал обвинение и самооговор. Сколько мужества потребовалось и прокурору Кузминой, чтобы отказаться от обвинения парня, взявшего на себя роль убийцы, чтобы избавить от "вышки" взрослого.

Случай по тем временам редкостный. Теперь, когда суд обрел известную независимость, когда учреждено правосудие, где присяжные заседатели выносят вердикт, все должно бы измениться. Какая трибуна для судебных ораторов?

Но где они? И куда же подевался суд присяжных, самый демократический в цивилизованном мире? Суд присяжных, о котором так много говорили демократы? Сколь обнадеживающие перспективы "самому демократическому судопроизводству" рисовали журналисты! В таком суде стяжали свои лавры Плевако, Карабчевский, Сергич, Александров... Почему не прилеплялись россияне к экранам своих телеков, слушая адвокатов? Кого-нибудь разве не взволновал бы такой процесс, будь он показан всей стране? Увы... Учредили такой суд... в порядке эксперимента. Всего в нескольких регионах, при этом на одном только уровне (областные суды по 1-й инстанции) и по довольно ограниченному кругу дел.

Все сделано не для утверждения правового суда, а как всегда на публику, чтобы можно было отчитаться о судебно-правовой реформе.

Так действительно ли необходимо было в нынешнее смутное время вводить суд присяжных? Ведь это очень дорогостоящая, громоздкая, требующая особых условий форма отправления правосудия. Не лучше ли было усовершенствовать существующую систему, сделать ее на манер, допустим, германский, где дело решают независимые профессиональные судьи? Удачное ли время выбрали для учреждения суда присяжных, коль все государство в развалинах? Но ведь и Россия вводила суд присяжных тоже на историческом переломном моменте — сразу вслед за освобождением крестьян от крепостного состояния, что было для нашего Отечества самой настоящей революцией сверху. Суд в России второй половины XIX века стал, пожалуй, единственным демократическим учреждением.

В России нынешней с судом присяжных получилось ни то ни се. Вроде бы он есть. А в то же время его и нет. Похоже, власть испугалась того, на что было решилась. И как не вспомнить слова Михаила Соломоновича Строговича: "Суда боится всякая власть". Именно поэтому избежали суда члены ГКЧП, по той же причине амнистировали экстремистов из Белого дома. Да ведь и, не приведи Господи, изловят Дудаева, Басаева и Радуева, вряд ли решатся власти передать их суду с присяжными... Слишком многое может открыться. Да и у адвокатов (при всем отвращении честных людей к терроризму) будет слишком много аргументов, губельных для власти.

Да что уж говорить о ГКЧП, о Хасбулатове с Руцким или чеченских экстремистах. В наши дни возбудили дело против талантливой поэтессы Алины Витухновской, ее защищают известные адвокаты, заключение девушки под стражу вызвало протесты общественности. Почему же не судят ее присяжные заседатели?

Здесь и ответ на вопрос — почему не стали властителями дум судебные ораторы. А ведь адвокаты могли бы выйти и на более широкое поприще. Уж кому как не сословию правозащитников играть первые роли на парламентской авансцене. Верно, в Госдуме есть и Борис Золотухин, и Андрей Макаров. Но голоса их не слышно. Почему? Очевидно, причины две, о которых я говорил вначале. Народное правосознание в России все еще не созрело для понимания смысла и сути правовой демократии; народу ближе "воля" под эгидой "отца государства". А с другой стороны, власть всеми силами препятствует становлению независимого суда, с которым накрепко связана адвокатура как институт правосудия.

Б Е З О Б Ъ Е Д И Н Е Н И Я НАМ ПРОСТО НЕ ВЫЖИТЬ

Обратиться с этим письмом к коллегам я задумал давно. В сложнейший период переустройства нашего Отечества, прокладывающего путь к гражданскому обществу и правовому государству, самая важная для нужд правозащиты общественная структура — корпорация российских адвокатов оказалась ослабленной, разобщенной, без единой линии поведения, единого руководства и бюджета. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, как много мы все теряем из-за такой, причем абсолютно не оправданной раздробленности сил и средств.

Увы, к тем очевидным аргументам, что были заготовлены в пользу нашего объединения и которые я еще раскрою, сегодня необходимо прибавить еще один, подсказанный самой нашей сложной жизнью. Из Санкт-Петербурга пришла очередная тяжелая весть: убит адвокат Валерий Рамазанов. (А ведь совсем недавно и наша коллегия хоронила павшего товарища — Юрия Орлова.) Горько и больно. И стыдно. Ибо ни там, ни здесь трагедию не удалось предотвратить. В законодательном порядке вопрос обеспечения в необходимых случаях безопасности адвокатов не решен, а на персональную охрану коллег, даже тех, кто безусловно нуждается в этом, у отдельно взятого адвокатского коллектива просто нет средств. Но они, думаю, появились бы, действуя все российские адвокаты сообща.

Так сложилось, что именно наша Межреспубликанская коллегия адвокатов вправе сегодня выступать как от имени традиционных адвокатских структур, так и от имени тех, кто работает в новых формах. Да, мы — "традиционисты". Образованная еще в "застойные" времена наша межтерриториальная коллегия хорошо вписалась в существовавшую тогда систему адвокатуры, наравне с другими коллегиями делила радости и горести нашей профессии. И нам дорог наработанный опыт. Когда был жесткий отбор кандидатов, люди настойчиво повышали свою квалификацию, безотказно брались за защиту "по назначению". Убежден, такого рода традиции, идущие еще от гордого сословия присяжных поверенных, должны быть сохранены и в будущей единой российской адвокатуре.

Николай КЛЕН,
председатель президиума
Межреспубликанской
коллегии адвокатов

Но будучи "своими" в устоявшейся системе, именно члены нашей коллегии первыми ощутили плоды самостоятельности. Не связанные формальными узлами с другими коллегиями, наши адвокаты не знали ограничений в работе ни по признаку территории, где они могли участвовать в рассмотрении дел, ни по характеру самих дел — участвовали и в уголовных, и в гражданских процессах, вели хозяйственные дела. Неудивительно, что сейчас у нас немало специалистов высокого класса и нашим адвокатам есть чем гордиться. Поэтому мы с пониманием отнеслись к появлению адвокатских образований — бюро, кабинетов, фирм. Мне думается, каждый адвокат должен сам решать, где, в какой форме ему лучше осуществлять свою деятельность. И если, к примеру, появилось новое объединение — Гильдия российских адвокатов, то в этом нет ничего необычного, тем более предосудительного, и с этим просто надо считаться. Что же касается вопросов организационного устройства адвокатуры в России в целом, то они, разумеется, могут и должны быть решены в новом Законе об адвокатуре.

Другое дело, что самостоятельность предполагает определенный уровень подготовки и ответственности коллектива адвокатов. Известно, например, как остро сегодня стоят вопросы повышения профессионального мастерства наших коллег, особенно молодых, и обеспечения их специальной литературой. Учитывая это, президиум нашей коллегии образовал научно-консультативный совет, в который вошли 26 докторов и кандидатов юридических наук. Уже реализуется план издания методических рекомендаций, обзоров. Последняя семь лет в Москве проводятся научно-практические конференции по наиболее актуальным для нас вопросам. Подобные конференции организуются и в регионах (2-3 в год). Для начинающих адвокатов мы намерены повсеместно открыть специальные школы. В юрконсультации (а их у нас по стране 113) регулярно поступает наш Бюллетень, в котором помещаются нормативные акты, обзоры адвокатской практики, положительный опыт наиболее знающих коллег.

Большое внимание уделяем мы повышению нравственно-

го уровня наших адвокатов. При каждой юридической консультации образована квалификационная комиссия. Она не только контролирует профессиональную подготовку адвокатов, но вникает во все конфликтные ситуации, рассматривает поступающие на адвокатов жалобы и представления, словом, помогает президиуму коллегии оберегать высокий имидж нашей профессии.

Все это, насколько мне известно, делается и в других коллегиях. Однако положить руку на сердце нельзя не признать, что уровень некоторых мероприятий, организуемых каждым адвокатским объединением по собственному разумению и средствам, не всегда приносит полное удовлетворение. Поэтому нетрудно предположить, что, объединив усилия в подготовке тех же научно-практических конференций или в издании специальной литературы, периодики, мы получили бы куда больший эффект.

Полагаю, что и такой важнейший вопрос, как подготовка и принятие нового Закона об адвокатуре, может быть решен быстро и ко всеобщему удовлетворению, если возьмется за него сообща, отбросив взаимные претензии. Ведь вряд ли кто из адвокатов возразит на то, что закон прежде всего должен обеспечить нормальную деятельность адвокатуры, ее независимость от усмотрений отдельных чиновников, нашу способность предоставить гражданам доступную и квалифицированную помощь. Ведь мы понимаем, что гражданам совершенно безразлично, в какой коллегии работает тот, кто представляет его интересы в суде. Был бы лишь он высокопрофессиональным адвокатом. А раз это так, то думается, что основное внимание при разработке закона следует сосредоточить как раз на гарантиях независимой адвокатской деятельности, расширении прав адвокатов, вопросах взаимодействия адвокатуры и общества.

Известно, скажем, что некоторые государственные структуры желали бы изменить налоговую политику в отношении адвокатов, усилить налоговое бремя на них. Наша общая задача — отвергнуть такие попытки, памятуя, что их реализация отразится прежде всего на населении, значительная часть которого окажется просто не в состоянии оплачивать юридическую помощь. (К слову, нечто подобное мы уже сегодня наблюдаем на Украине.) Следует иметь в виду и то, что адвокатов сейчас в России всего около 22 тыс. и вряд ли государственная казна серьезно обогатится за счет увеличения на них налогового бремени. Наконец, государственные структуры забывают, что почти 40 процентов юридической помощи российские адвокаты оказывают клиентам бесплатно.

Объединенная адвокатская общественность могла бы более активно ставить и другие актуальные для адвокатов вопросы. О жутком, например, положении лиц, находящихся в следственных изоляторах. Об униженном порядке допуска к ним адвокатов. Наконец, я опять возвращаюсь к этой больной теме — о безопасности адвокатов перед угрозой физической расправы.

Конечно, при нормальном течении дел все эти проблемы мог бы взять на себя Федеральный союз адвокатов, который как раз и должен нас всех объединять на правах общественной организации, представлять наши интересы в органах исполнительной и законодательной власти, быть связующим звеном между коллегиями и иными адвокатскими объединениями. Однако работа Союза в этих направлениях практически не видна. Потому и приходится обращаться напрямую к рядовым членам всероссийского сообщества адвокатов.

ВРЕМЯ

Уважаемые коллеги!

28 февраля 1996 года Россия стала полноправным членом Совета Европы. Среди обязательств, взятых в связи со вступлением в это международное сообщество, значится и то, что статус адвоката в России должен быть защищен законом: будет учреждено единое профессиональное сообщество коллегий адвокатов. Редакция сочла необходимым опубликовать письмо Гильдии российских адвокатов, написанное и разосланное в адреса всех коллегий адвокатов еще в январе этого года и, по нашему мнению, в определенной мере предвосхитившее развитие событий.

Сегодня, как никогда раньше, российская адвокатура стоит перед выбором: объединиться, идти вперед и развиваться в соответствии с демократическими и экономическими преобразованиями в обществе или, разбившись на группировки, и дальше отставать от жизни.

К сожалению, адвокатское сообщество по-прежнему остается разобщенным и этот раскол все больше углубляется. В дополнение к уже существующим трем общественным объединениям адвокатов в начале 1995 года был создан Федеральный союз адвокатов России. Хотя создание Федерального союза адвокатов предполагалось как создание единого профессионального сообщества адвокатов Российской Федерации, в ходе съезда по предложению представителей Московской областной коллегии адвокатов было проголосовано, что Федеральный союз будет также общественной организацией. В результате ему не только не удалось объединить адвокатское сословие, но, напротив, с созданием ФСА линия на раскол, искусственное разжигание страстей, в том числе вокруг неоправданно называемых "параллельных" коллегий, проводимая руководством ФСА, стала усугубляться.

Вместе с тем жизнь показывает, что адвокатское сообщество в состоянии и должно выступить

СОБИРАТЬ

СИЛЫ

единым фронтом. Например, в избирательное объединение "Ассоциация адвокатов России" (сентябрь 1995 года) вошли представители не только "традиционных", но и члены Гильдии российских адвокатов.

Да, по итогам выборов мы не вошли в десятку сильнейших. Но тот факт, что "Ассоциация адвокатов России" обошла по итогам голосования более 25 партий и блоков, говорит о том, что адвокаты вне зависимости от их принадлежности к тем или иным союзам способны делать общее дело, завоевывать симпатии граждан России, стать весомым фактором в общественно-политической жизни страны.

Вместе с этим наш совместный опыт участия в избирательной кампании показал, что адвокатское сообщество может быть единым и в профессиональном плане. Более того, по нашему мнению, общие цели и общие задачи могут быть реализованы только в рамках крепкой и единой всероссийской профессиональной организации, имеющей самостоятельную и единую систему повышения квалификации кадров, организующую взаимопомощь и обмен опытом работы, активно работающую по защите профессиональных и социальных прав адвокатов, представляющую их корпоративные интересы в органах власти и судах.

Вспомните, уважаемые коллеги, опыт зарубежных стран. Федеральная палата адвокатов Германии, Генеральный совет адвокатов Англии — это профессиональные объединения адвокатов. Да и в истории России неоднократно делались попытки объединяться в профессиональное сообщество — 1905 год, февраль 1917 года, 1926 и 1990 годы, но они не увенчались успехом. И только в январе 1995 года более 40 "нетрадиционных" коллегий адвокатов смогли осуществить эту мечту многих поколений адвокатов России и объединиться в единое профессиональное сообщество

— Гильдию российских адвокатов. Сегодня она признана всеми институтами государственной власти. Всего за год своего существования Гильдия учредила и стала издавать журнал "Российский адвокат", провела с участием Совета Европы международную научно-практическую конференцию, приветствие которой направил Президент России Б.Н.Ельцин, выступила инициатором создания Отделения прав человека в составе Международной академии информатизации, имеющей статус наблюдателя ООН, организовала выпуск профессиональной литературы и др.

Не настало ли время всерьез подумать о нашей судьбе, неизбежном создании единого профессионального сообщества адвокатов России, способного не на словах, а на деле самостоятельно представлять и отстаивать наши интересы на всех уровнях власти, защитить всех и каждого от произвола чиновников, провести через законодательную власть Закон об адвокатуре, отвечающий требованиям времени и чаяниям самих адвокатов?

Наверное, надо вспомнить и о том, что судебные и правоохранительные ведомства имеют свои общероссийские центры и координационные советы, наделенные соответствующими полномочиями, чего нет у адвокатуры. Создание Гильдии российских адвокатов частично восполнило этот пробел, однако Гильдия — это лишь третья часть адвокатуры и она не может представлять интересы коллегий адвокатов, не входящих в ее состав. Мы не собираемся создавать министерство адвокатуры, мы хотим единого добровольного профес-

сионального сообщества адвокатов, способного постоять за интересы как адвокатов, так и всех россиян.

Мы считаем, что время единой адвокатуры России настало и предлагаем с участием соответствующих ведомств провести 17 мая 1996 года в конференц-зале Министерства юстиции РФ совещание председателей президиумов российских коллегий адвокатов и обсудить на нем концепцию единого добровольного профессионального сообщества адвокатов России. Полагаем, профессиональное сообщество должно в первую очередь объединять коллегии адвокатов, а через них уже и самих адвокатов.

Для нас не имеет принципиального значения, какое название будет носить это объединение — союз, ассоциация, гильдия и т.д. Главное, чтобы оно объединяло адвокатов страны, выражало их общие интересы, чтобы его возглавляли люди, далекие от вражды, обид и раздоров.

Наряду с этим на совещании руководителей коллегий мы могли бы рассмотреть и вопросы, относящиеся к поднятию престижа адвокатуры, в том числе и в социально-политической сфере.

Вместе с тем мы считаем, что решение вопроса о создании профессионального адвокатского сообщества ни в коей мере не преследует цель ликвидации уже существующих общественных объединений адвокатов. Все они имеют право на жизнь, и мы их также приглашаем к сотрудничеству.

Мы уверены, что разум и здравый смысл возобладают над эмоциями и у адвокатов появится свое единое профессиональное сообщество!

В текущем году отмечается 130-летие российской адвокатуры. Современная адвокатура — один из наиболее демократических правовых институтов, с помощью которого в нашей стране реализуется блок конституционных норм, гарантирующих равенство прав независимо от имущественного положения, государственную защиту прав и свобод человека, получение квалифицированной юридической помощи.

ИНСТРУМЕНТ НАРОДНОГО ПРАВА

С читателями журнала своими мыслями о роли адвокатуры в жизни общества, профессии адвоката как воспитателя правосознания у граждан и основного помощника клиента в бушующем море законов делится Михаил КРАСНОВ, помощник Президента Российской Федерации по правовым вопросам, доктор юридических наук.

— Михаил Александрович, мы строим правовое государство. Какую роль в этом процессе играет адвокатура?

— Да, правовое государство в нашей стране строится, но давайте не путать идеалы и цели. К идеалу можно стремиться, но делать его целью опасно, потому что идеалы недостижимы в земной жизни. Для меня правовое государство — идеал. И хотя Германия и другие европейские страны называют себя правовыми, но едва ли возможно это принимать за абсолютную истину. Не исключено ведь, что есть какая-то страна, достигшая на этом поприще больших результатов. Наше государство о своем естественном и закономерном желании стать правовым заявило в конце 80-х годов. Речь идет о том, чтобы человек пе-

ред государством уже не мог оказаться в роли поганки, которую оно легко может раздавить и даже не заметить этого. В правовом государстве гражданин должен стать его партнером, оппонентом, имеющим право даже выступать по отношению к нему в роли истца. Вот здесь-то как раз и проявляется отчетливо роль адвокатуры в жизни современного демократического государства. Нормальный гражданин, даже иностранец, никогда не знает всех своих прав. Именно поэтому он берет себе в помощь адвоката даже при заполнении налоговой декларации. Теперь россияне имеют возможность судиться и с высшими должностными лицами государства. Правда, насколько мне известно, у нас нет пока исков типа "Иванов против Российской Федерации".

— Значит ли это, что в новой ситуации изменилась и роль адвокатуры в обществе?

— Конечно. Я бы определил ее если и не решающей, то чрезвычайно сложной, ибо институт адвокатуры в целом и каждый адвокат в отдельности способствуют правовому воспитанию россиян и росту их правосознания. Работая с клиентом, рассказывая ему о путях решения какой-то спорной проблемы, адвокат формирует его знание о праве, правосознание. В результате клиент уходит убежденным, что он сам или с помощью адвоката, что, конечно, лучше, может добиваться восстановления своих нарушенных прав да еще взыскания неких сумм за причинение морального ущерба.

— Мне известен ваш тезис о том, что адвокатура — это инструмент народного права и что адвокат — народный защитник. Не могли бы вы пояснить эту идею?

— Я действительно так считаю. В том

несметном количестве законодательных и нормативных актов, которое сейчас мы имеем, человек без адвоката просто потеряется. Я потому называю его народным защитником, что у государства, помимо обращения к адвокату, есть иные рычаги воздействия. У простого человека их нет. Поэтому адвокат для него — спасательный круг в бушующем вокруг правовом море. Позвольте обратить ваше внимание и на такой факт. Допустим, некий гражданин предъявил в суде иск к высокопоставленному чиновнику. При этом каждый из них выбирает себе адвоката. Тем самым стороны уравниваются в правах. Вспомним судебные процессы Грачева и Позгли, Козырева и Жириновского, когда интересы каждого из них защищал адвокат.

— Вы хотите сказать, что все они имели равные процессуальные права?

— Совершенно верно. Обычному гражданину такая трактовка закона может показаться абстрактной, но только до тех пор, пока в "схватку" (т.е. судебный процесс) не вступит его адвокат. Тогда уже равенство процессуальных прав независимо от того, насколько высок ранг его оппонента, становится очевидным. С этой точки зрения адвокатура делает огромное дело. Я уже не говорю об уголовном процессе, нормы которого как раз позволяют адвокату доказывать, что презумпция невиновности — реальный, а не декларативный принцип.

— Российская Конституция гарантирует гражданам оказание профессиональной юридической помощи. Не секрет, что она все время дорожает, тогда как в стране наряду с "новыми русскими" появились "новые бедные". Не усматривается ли здесь противоречие?

— К сожалению, оно есть, но не потому, что Конституция витает в облаках, а потому, что эта конституционная норма требует законодательного урегулирования.

— То есть принятия механизма гарантии?

— Да, именно механизма гарантии оказания квалифицированной юридической помощи. В прошлогоднем Послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации не случайно отмечалось, что нотариат и адвокатура как главные правовые структуры, оказывающие правовую помощь населению, нередко именно выбирают себе клиентов. В этих случаях зачастую, как говорится, за бортом остается человек,

который едва сводит концы с концами. Очень хорошо, когда сами адвокаты или руководители юридических объединений понимают это. Мне известно, что в Гильдии российских адвокатов, например, создана межклубная юридическая консультация, адвокаты которой оказывают бесплатную правовую помощь малоимущим. Мне эта идея близка и очень нравится, но общество не может зависеть от благородства отдельных представителей адвокатского сообщества.

— В приветствии Президента Российской Федерации участникам недавно состоявшейся международной научно-практической конференции "Права человека и роль адвокатуры в демократическом обществе" отмечалось, что в правовом государстве объединения российских адвокатов приобретут характер профессиональных сообществ. Как вы думаете, почему?

— Потому что в любом обществе профессионал ценится очень высоко, и мне одинаково дорог и столяр-краснодеревщик, и адвокат, и врач высокого класса. В обществе всегда будут высокие профессионалы и холодные ремесленники, и этого не изменишь никаким законом. Но со временем, когда у нас возникнет рынок труда, клиенты будут знать: эта адвокатская контора престижна, доступна (достаточно низкий уровень гонорара) и вместе с тем высокопрофессиональна. Поэтому и народ к ним будет, как говорится, валить валом. Та же контора, где будут требовать огромные деньги, к тому же за очень сомнительное качество услуг, в конечном счете прогорит. Пока у нас этого нет: монополизм существует в различных сферах, в том числе и адвокатской.

— По союзному законодательству органы юстиции осуществляли общее руководство адвокатурой. Теперь адвокаты добились свободы, но представители некоторых коллегий адвокатов считают даже, что без Министерства юстиции им вроде бы и не просуществовать. Ваша точка зрения по этому вопросу?

— Адвокатура — институт негосударственный. Поэтому государство не может руководить адвокатами. Другое дело — государственный контроль за соблюдением неких социальных минимальных стандартов, ниже которых не должна опускаться ни одна структура, будь она государственная или какая-либо иная. Пусть Минюст выдает лицензии на ока-

зание адвокатских услуг, осуществляет контрольные полномочия за законностью их реализации, регистрирует адвокатские объединения. А вот сколько их должно быть — много или одно — мне сказать трудно.

— В проекте Закона об адвокатуре, разработанном Минюстом, предусматривались именно такие, о которых вы говорите, функции Минюста, но Дума его не приняла. Считаете ли вы нормальной ситуацию, когда российская адвокатура продолжает жить без соответствующего закона?

— Когда речь идет о том или ином законе (не только об адвокатуре), в процесс его принятия вторгается масса каких-то очень личных интересов, как движущих иногда даже очень сырой проект, так и препятствующих его прохождению. Думается, именно этому обстоятельству мы обязаны отсутствием Закона об адвокатуре.

— Вы уже говорили о противоречивом характере современного законодательства. Одна из причин этого явления — незначительное число юристов среди депутатов прошлой Государственной Думы. Такое же положение сложилось и в нынешнем парламенте. Как вы думаете, почему? Ведь Думе так нужны адвокаты — профессионалы высокого класса.

— Согласен, что Думе нужны юристы, хотя они есть не только в адвокатуре. Если бы адвокаты баллотировались по разным популярным блокам, все было бы иначе. Сегодня ничто не мешает адвокатам, почувствовавшим вкус к политике, уверенным, что их знания могут принести пользу не конкретным клиентам, а государству в целом, примкнуть к крупным движениям, близким им по духу, и уже в их составе работать в Госдуме.

— Ваше отношение к журналу "Российский адвокат" и адвокатам.

— Журнал мне нравится. Что касается адвокатов, то к ним я всегда испытывал глубокое уважение как к людям с отточенной логикой и отточенным языком. Считаю, что адвокат сродни артисту: он не может быть ни средним, ни плохим.

— Могут ли отвечать вашим максималистским требованиям все 22 тысячи российских адвокатов?

— Видимо, нет. Но к этому надо стремиться.

Подготовила Тамара ГРОМОВА,
спец. корр. "Российского адвоката"

Из судебных решений

ВЕРХОВНЫЙ СУД О ПРЯМОМ ДЕЙСТВИИ КОНСТИТУЦИИ

Пленум Верховного суда РФ принял Постановление о применении судами Конституции Российской Федерации. Опираясь на конституционные положения о высшей юридической силе и прямом действии этого документа, пленум разъяснил, что при рассмотрении дел суды должны руководствоваться Конституцией "во всех необходимых случаях" независимо от того, как трактуются те или иные положения в других нормативных актах. В случае сомнения отно-

сительно конституционности таких актов суд обращается с запросом в Конституционный суд РФ. При этом производство по делу или исполнение решения приостанавливается, а в отношении лиц, содержащихся под стражей, решается вопрос об изменении меры пресечения.

В силу конкретных положений Конституции суды обязаны обеспечить реализацию принципа презумпции невиновности подсудимых, равенство прав участников судебного разбирательства, право каждого на пользование родным языком. Не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД О ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Конституционный суд РФ подтвердил безусловное право граждан на обращение в суд для защиты своих нарушенных

интересов. Поводом к такому решению послужили обращения граждан в связи с отказом различных судов принять к рассмотрению их жалобы на прекращение органами следствия уголовных дел. Так, гражданин А.Апанасенко безуспешно пытался обжаловать прекращение следователем дела о гибели его сына. При этом следственные органы и суды ссылались на ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР, позволяющую обжаловать соответствующие постановления только прокурору.

Конституционный суд указал, что гарантированное Конституцией (ст. 46) право гражданина на судебную защиту не может быть ограничено ни при каких условиях, а потому постановил признать названное положение УПК РСФСР в той мере, в какой эта норма по смыслу, придаваемому ей сложившейся правоприменительной практикой, ограничивает возможность судебного обжалования постановлений о прекращении уголовных дел, не соответствующим Конституции Российской Федерации. То есть о тнне решение следственного органа о прекращении уголовного дела может быть обжаловано не только прокурору, но и в суд.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Апрель

3 апреля (23 марта по ст.ст.) 1714 года Петр I издал "указ о единонаследии", предписавший оставлять недвижимость лишь одному из наследников — "понеже разделением имений после отцов детям... великий есть вред в Государстве Нашем".

5 апреля 1995 года Комитетом РФ по печати зарегистрирован общественно-правовой журнал "Российский адвокат" (учредитель — Гильдия российских адвокатов).

6 апреля (25 марта по ст.ст.) 1831 года родился Иван Ефимович Андреевский, юрист, профессор и ректор Петербургского университета, известный адвокат. Умер в 1891 году.

7 апреля 1935 года постановлением ЦИК и СНК СССР к несовершеннолетним преступникам с 12-летнего возраста разрешено применять "все меры уголовного наказания", включая смертную казнь.

10 апреля (28 марта по ст.ст.) 1905 года открылся первый Всероссийский съезд адвокатов, принявший решение об образовании Всероссийского союза адвокатов.

10 апреля (29 марта по ст.ст.) 1821 года родился Сергей Иванович Зарудный, юрист, сенатор.

Участвовал в разработке и проведении крестьянской и судебной реформ. Умер в 1887 году.

12 апреля (31 марта по ст.ст.) 1878 года присяжные заседатели оправдали террористку Веру Засулич.

12 апреля (31 марта по ст.ст.) 1881 года Александр III провозгласил свободный въезд и выезд из России.

18 апреля (6 по ст.ст.) 1865 года Александр II утвердил закон о печати, отменивший предварительную цензуру.

19 апреля 1991 года Верховный Совет РСФСР установил 40-часовую рабочую неделю и оплачиваемый отпуск не менее 24 рабочих дней.

22 апреля (11 по ст.ст.) 1719 года Петр I издал указ о подготовке военных юристов — аудиторов. Начало отечественного военно-юридического образования.

29 апреля (17 по ст.ст.) 1866 года — 130 лет назад — началась реализация судебной реформы в России, в Санкт-Петербурге открылись новые судебные учреждения. Через шесть дней то же произошло и в Москве.

ПОКОЙ ЛИШЬ ТОЛЬКО СНИТСЯ

— Чем занимается Международный союз адвокатов? — повторил мой вопрос первый вице-президент этого содружества **Михаил Александрович Гофштейн**. — Задач у него много. Они были поставлены еще на первом съезде адвокатов, когда был создан Союз адвокатов СССР. Ведь наш Союз — его правопреемник. Впрочем, Союз-то ведь международный, и это определило некоторые новые задачи. Одна из главных — содействие достижению высоких стандартов профессионального мастерства, внедрение признанных мировым сообществом принципов и гарантий независимости адвокатуры. Мы проводим международные семинары и конференции, организуем стажировку адвокатов

в зарубежных странах, чтобы помочь им в освоении правового обслуживания коммерческой деятельности. Союз разрабатывает основы адвокатской этики, издает газету "Адвокат". Ну и так далее. Одна из уставных задач Союза — защита прав, свобод, чести и достоинства адвокатов. И этим приходится заниматься.

Михаил Александрович взял в руки письмо, полученное с Алтая.

— В Бийске умудрились доставить адвоката в суд приводом и к тому же еще оштрафовали "за неуважение к суду". Наш Союз, естественно, защищает коллег от подобного произвола.

В зарубежной практике конфликты тоже не редкость. Но связаны они в ос-

новном с претензиями клиентов к качеству работы защитника или размером оплаты. У нас же то и дело возникает "война" между властными правоохранительными органами и адвокатом. Ведь последний истари выступает оппонентом власти, именно в этом его предназначение.

Но давно ли еще студенту Московского юридического института Михаилу Гофштейну в первые послевоенные годы преподаватели, едва успевшие сменить форму НКВД на партикулярное платье, внушали, что адвокат — помощник суда и не должен стремиться оспаривать виновность подсудимого, особенно если тот на предварительном следствии признался. Ну а каким способом были получены признания — адвоката это вовсе не касается.

Тогда, в конце 40-х годов, мог ли мечтать студент Гофштейн о карьере адвоката? Да и много ли он знал об истории этой профессии в России, если труды его замечательных соотечественников вообще не издавались, а о великой судебной реформе 1864 года говорилось вскользь. Нет, выпускнику-юристу рисовалось нечто вроде прокурорской карьеры. Это с его-то фамилией? Ну и что ж, что отличник, именной стипендиат. Комиссия по распределению направила его в дальний район. Юридическая консультация — в одном лице, до работы — два часа с лишним на паровике.

Теперь-то Михаил Александрович благодарен судьбе за те три года работы в Рузском районе, которые подарили ему великолепную практическую школу. Как сельский врач, должен быть специалистом на все руки — и зуб вырвать, и роды принять, так и молодому юристу пришлось вести все возможные и невозможные дела от элементарных до сложнейших.

До сих пор ему помнится, как он защищал 43-летнюю женщину, обвиняемую в убийстве своего новорожденного. Дело казалось очевидным: она не отрицала, что сама схоронила у себя под полом ребенка. Закопала — значит убила, решило следствие. Да и следственный эксперимент — "легочная проба" — подтвердил, что родился младенец живым. Подсудимая же твердила, что не убивала.

Она в одиночку, без мужа, растила троих детей, четвертого же — "плод любви несчастной" от обманувшего ее мужчины — рожала тайно, одна, схоронившись на печи от детей, которые вот-вот должны были прийти из школы. На горячей печи потеряла сознание, а ког-

да очнулась, младенец был мертв. То ли родился мертвым, то ли умер от жары, она не знала. Ночью, испугавшись, подняла половицу и закопала.

Возникли вопросы. Если убила, то как? Где же признаки насильственной смерти? Однако экспертиза признала: был жив. И адвокат углубился в дебри судебной медицины и гинекологии. Оказалось, результаты следственного эксперимента неверны. А вот что роженица на горячей печи при ее болезни сердца могла потерять сознание, врачи не исключали. Подсудимая была оправдана.

Это случилось в 1952 году — во времена, как теперь говорят, глухого тоталитаризма. Значит, если дело не фабриковалось на Лубянке, можно было в суде добиться справедливости. Впервые, наверное, Михаил Гофштейн понял, насколько может быть значительна социальная роль адвоката, которому доверяется судьба человека. Но стоило ли обольщаться? Не только во времена чрезвычайных революционных троек, вершивших расправу, но и много позже, в советские годы, работа адвоката напоминала частенько сражение с ветряными мельницами.

- Только в 60-е годы адвоката стали допускать к делу на предварительном следствии, да и то к моменту его окончания, — напомнил мне Михаил Александрович и продолжил:

- Даже в наши дни, будучи арестованными, люди порой не имеют возможности добиться присутствия своего адвоката. А ведь это — гарантия права человека на защиту, иначе попросту нет правосудия. Ну а преодолеть сложившиеся юридические стереотипы в одиночку порой бывает не под силу, — продолжил свой рассказ Гофштейн.

Правда, понял он это не сразу. Окрыленный первыми победами, Гофштейн взялся за диссертацию об уголовном процессе, но на завершающей стадии бросил.

— Уперся в проблемы психологии свидетельских показаний, — говорит Михаил Александрович, — хотя и по сей день, спустя 40 лет, много времени посвящаю проблемам уголовного процесса, — добавил он.

Действительно, сложилось так, что Михаил Александрович в основном стал специализироваться на работе в суде второй инстанции — кассационном суде, когда, казалось бы, в наиболее полном объеме уже проанализированы все обстоятельства происшествия. Гофштейн распутал немало сложных дел, добиваясь

отмены смертного приговора либо замены смертной казни другим наказанием. Впрочем, разве перечислишь все уголовные и гражданские процессы, в которых довелось участвовать Гофштейну за десятилетия? Каждый из них — особенный и поучителен по-своему. Но занимаясь юридической практикой, Михаил Александрович по-прежнему не оставлял проблем, связанных с укреплением общественного статуса адвокатуры. Особенно активно ему пришлось отстаивать права адвокатов, когда в 1966 году он был избран заместителем председателя президиума Московской областной коллегии адвокатов (и на этом посту провел более 20 лет). Позднее, уже будучи избранным в 89-м году заместителем председателя Союза адвокатов СССР, он продолжал эту работу.

Например, Михаил Александрович участвовал в разработке Положения об адвокатуре РСФСР. Тогда этот документ (порядком ныне устаревший) создавался с величайшим трудом и тщанием. Его авторы, осторожно лавируя между возможными терминологическими ловушками и смысловыми капканами, продвигались вперед от пункта к пункту, будто выбирали правильный путь по минному полю. И невольно Гофштейну вспомнилась война, когда он юным выпускником артиллерийской спецшколы (между прочим, выпуск был 14 июня 1941 года!) оказался после ускоренной подготовки в артучилище на фронте.

Гофштейн провел всю войну, как говорится, от звонка до звонка на передовой. Командовал огневым взводом, затем — батареей, а войну окончил под Штеттином на Балтике начальником штаба дивизиона. Казалось, фронтовая закалка и военный опыт никогда не понадобятся демобилизованному капитану — ни студенту, ни тем более потом — адвокату. Но оказание юридической помощи — это всегда война за права человека, и теперь Гофштейн — один из разработчиков проекта российского Закона об адвокатуре, в острейшей необходимости которого он убежден.

— До сих пор, — рассказывает Михаил Александрович, — в каждом крае, республике, не имеющей административного деления, была своя коллегия адвокатов. Всей жизнью коллегии руководил президиум — орган самоуправления, контролировавший качество работы адвокатов, соблюдение ими законов, правил профессиональной этики, а так-

же обеспечивавший бесплатную помощь по назначению суда. Задача президиума — не допустить в адвокатуру недобросовестных и некомпетентных людей.

Однако сегодня юридические конторы неизвестного происхождения возникают повсюду как грибы после дождя.

— В Москве сейчас более десятка коллегий, — продолжает Михаил Александрович, — и рядом с двухтысячным коллективом городской коллегии встречаются объединения в 10-15 человек, гордо именующие себя, как угодно, скажем "Гарантом". Как будто можно гарантировать исход судебного дела! Оправдывать существование такого рода структур обеспечением свободы "конкуренции" просто смешно.

Загляните в любую юридическую консультацию: всегда к одному сотруднику очередь, а другой скучает в ожидании клиента. Да и во всем мире адвокатура носит корпоративный характер. Одну из задач наш Международный союз видит в приближении к стандартам судопроизводства, одобренным мировым сообществом. Собственно, это соответствует 15-й статье Российской конституции. А здесь еще непочатый край работы.

Взять хотя бы распространенную меру пресечения — арест. Задерживают ведь и правого и виноватого. Камеры предварительного заключения, следственные изоляторы переполнены. И сколько же там в ужасных условиях томится людей, вина которых еще не доказана! А ведь, с точки зрения мировой практики, человека можно взять под стражу только по решению суда. У нас же удалось добиться недавно лишь того, что арест можно обжаловать в суд. Но признаемся, судебный контроль за мерой пресечения, конечно, полумера, хотя и это — достижение.

Первые шаги сделаны и в организации судов присяжных. Пока их насчитываются единицы. Некоторые говорят, что это плохой суд, но человечество ничего лучшего для вынесения независимого вердикта, исключаяющего неправедными методами добытые доказательства, не выдумало. И я завидую молодым, кто сейчас работает в суде присяжных, — мечтательно заключает Гофштейн.

— Кстати, — продолжает Михаил Александрович, — в нашем Союзе создан хороший компьютерный центр, располагающий всеми действующими правовыми программами. Банк данных постоянно обновляется, мы всегда в

курсе огромного законодательного массива России. А одно из самых значительных нововведений в Союзе — правовой и научно-экспертный центр, куда частенько обращаются за помощью наши коллеги из разных уголков страны.

Сейчас много трудных дел связано с бизнесом. Ведь советских адвокатов не учили коммерческому международному праву, большинству из нас приходится осваивать эту науку заново. Чаще всего сталкиваемся с делами по договорам, заключенным нашими организациями с инофирмами. И оказывается не только наши предприниматели, но и адвокаты не знают, к примеру, правил Венской конвенции о международных договорах купли-продажи. Если в договоре содержатся условия, противоречащие Венской конвенции, то действует последняя, а не условия договора. Вот сейчас, например, разбираемся с заводом, продукцию которого закупили американцы. А теперь покупатели не хотят платить деньги, так как спрос упал и реализация изделий идет с трудом. А ведь это уже

проблемы отнюдь не завода.

Есть и другое, довольно громкое дело. Хотите подробности? Нет? Ну на традиционный вопрос о планах Союза скажу, что это работа по повышению квалификации адвокатов, семинары, связанные с бизнесом. Готовимся к конференции за рубежом. Ведь наше сотрудничество является коллективным членом международных союзов с центрами в Париже и Лондоне...

Беседа наша затянулась. Пора было прощаться. По-прежнему то и дело звонил телефон.

— Это относительно семинара, это клиент из Уфы, это по поводу нашей газеты, — объяснял Гофштейн. Потом в кабинет стремительно вошла молодая женщина.

— Между прочим, моя дочь, — представил ее Гофштейн. У Михаила Александровича оказывается крепкий профессиональный "тыл": жена, дочь, сын — адвокаты, даже внук — и тот студент юридического факультета.

Я смотрела на своего умудренного

громадным опытом и увенчанного самыми разнообразными званиями собеседника с завистью. У него, помимо боевых двух орденов Отечественной войны, ордена Красной Звезды, нескольких (в том числе три польских) медалей за освобождение городов, есть еще и Болгарский орден Кирилла и Мефодия I степени и другие награды. Более 20 лет назад ему присвоили звание заслуженного юриста России. В обращениях к нему то слышалось слово "мэтр", то проskalзывало "патриарх", а передо мной был одержимый юношеским азартом деятельности человек, погруженный в организационные заботы и адвокатские хлопоты. Ведь, помимо дел Союза, Гофштейн теперь входит в консультативный научно-экспертный совет при Комитете по конституционному законодательству Совета Федерации, то есть занимается еще и законотворчеством. Всем бы патриархам такую беспокойную осень жизни!

Юлия КИРИЛЛОВА,
спец. корр. "Российского адвоката"

Возрадуемся, господа-товарищи российские адвокаты! Ровно 130 лет назад — 29 (17) апреля 1866 года — распахнули на Руси двери новые, обустроенные по Уставам Александра II судебные учреждения, в коих свое законное место впервые заняли представители защиты. С 14 (2) мая в Петербурге, а с 28 (16) сентября в Москве начали действовать сообщества присяжных поверенных со своими советами во главе.

Но уже первые шаги нового сословия породили немало проблем. Как, например, защищать преступника, не оправдывая то, что он совершил? Или как обеспечить защиту неимущего клиента? Случалось, что кто-то из присяжных просто отказывался от защиты нераскаявшегося в суде убийцы. А кто-то задолго до судебного заседания пытался склонить на свою сторону судей, рассылая им привычные по старым временам "ходатайства".

Советы присяжных, вся адво-

катская общественность горячо обсуждали каждый такой поступок. И приходили к выводам: нет, не вправе адвокат отказать от защиты даже самого пропавшего человека; но не может он и прибегать к непроцессуальным методам "давления" на суд. Не сразу, но все-таки решился и вопрос с оплатой защиты "по назначению": присяжные стали отчислять для этой цели по 10 процентов от своих гонораров.

Советы присяжных резко выступали против саморекламы отдельных адвокатов. Вместе с тем, указывалось, что публичное обсуждение "путем печат-

ного слова деятельности адвокатуры есть явление весьма полезное и в высшей степени желательное в интересах самого адвокатского сословия, которое, как известно, имеет за собою весьма недавнее прошлое и не получило даже до сего времени вполне того правильного и твердого устройства, которое предначертано для него".

Минули годы. Многие изменилось в сословии российских адвокатов. Но иные проблемы продолжают нас беспокоить. Та же защита безденежного клиента. Или вопрос о саморекламе. Или о поведении в суде, в отношениях с прокурором, следователем. И, конечно, та, главная проблема в профессии защитника: как совместить долг перед клиентом с долгом перед всем обществом, то есть перед своей совестью?.. Вечные, должно быть, вопросы.

Игорь ВАШКЕВИЧ,
спец. корр.
"Российского адвоката"

В октябре 1995 г. Гильдия российских адвокатов и Совет Европы провели в Москве международную научно-практическую конференцию "Права человека и роль адвокатуры в демократическом обществе" (краткая информация об этой конференции была опубликована в № 1 нашего журнала за 1996 г.). Намечается издание сборника выступлений ее участников. Но одно выступление редакция "Российского адвоката" сочла нужным опубликовать, не откладывая, так сказать, досрочно — настолько оно ярко и актуально, настолько обоснованно звучит в нем тревога за состояние нашего правосудия, особенно если учесть обязательство, возложенные на Россию в результате недавнего вступления ее в Совет Европы. За время, прошедшее после конференции, некоторые предположения оратора стали реальностью, другие продолжают оставаться дискуссионными. Однако мы сознательно не стали уточнять и комментировать стенограмму выступления: кто следит за событиями, разберется сам. Как говорили древние, "sapienti sat" (умному достаточно).

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ НЕ ДОЛЖНА ОСТАВАТЬСЯ ТОЛЬКО НА БУМАГЕ

Итак, слово В.М.САВИЦКОМУ — доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, действительному члену Международной академии информатизации и Академии экономики, финансов и права.

Уважаемые дамы и господа! Коллеги! Дорогие друзья!

Я еще раз с удовольствием повторю — дорогие друзья, потому что не знаю более благодатной аудитории, чем адвокатура, когда идет речь о принципе презумпции невиновности. Что бы ни говорили плохого о нынешней политической и правовой системе, какие бы трудности ни были реальными или надуманными в нашем движении вперед, есть вещи, которые невозможно, абсолютно невозможно отрицать. Мы медленно, но достаточно уверенно продвигаемся к нормальному, цивилизованному государству. И этого никто не сможет опровергнуть.

Если говорить о личности, которая сейчас стоит или, во всяком случае, должна стоять в центре всего нашего государственно-

правового развития, если говорить о правах этой личности и их защите, то здесь, конечно, есть несомненный прогресс по сравнению с прежними пустыми, надуманными декларациями, которыми была заполнена вся наша жизнь, практика нашего государства, наша научная и учебная литература. Ведь еще совсем недавно о презумпции невиновности публично говорить было опасно. Я напомним сидящим в этом зале, что в свое время Секретариатом ЦК КПСС была создана специальная комиссия из первых руководителей правоохранительных ведомств, которая должна была определить, есть в СССР презумпция невиновности или ее нет. Высокая комиссия определить этого не смогла. Такого уж уровня она была. Но на всякий случай комиссия постановила: о презумпции невиновности не писать — это не нужно и вредно. Тогда во всех издательствах и редакциях каленым железом из любой рукописи стали выжигать сам термин "презумпция невиновности".

Не все, возможно, знают, что из книги известнейшего советского ученого Михаила Соломоновича Строговича, из его перво-

го тома "Курса советского уголовного процесса", изданного в 1968 году, по указанию работника аппарата ЦК КПСС была вырвана страница, где он предлагал записать в законе формулу презумпции невиновности. Вручную из 15 тысяч экземпляров уже готового тиража в типографии выдирали эту злополучную 351-ю страницу и вклеивали другую, где уже не было этой крамольной мысли. В 80-м году мне пришлось выступать в клубе КГБ на Лубянке перед политработниками органов КГБ и МВД по поводу прав граждан, плачевного состояния законности и правосудия в нашей стране. Вечером мне позвонил мой знакомый полковник и говорит: "Знаешь, я тебя слушал и думал: когда тебя возьмут — прямо в здании или при выходе из него?" Слава Богу, не арестовали. Но в то время это был вполне возможный финал.

Наконец-то сейчас у нас не только в литературе и учебниках, но и в Конституции есть формула презумпции невиновности, которая, по моему глубочайшему убеждению, является самой важной гарантией прав человека. Существует множество разных гарантий — правовых, организационных, материальных, этических и так далее. Но из всех гарантий самая важная, повторяю, — это презумпция невиновности. Ибо ею решается вопрос о судьбе человека, его чести, достоинстве, свободе, жизни, если хотите. И то, что в Конституции сейчас записан этот принцип, — несомненное достижение демократии.

У каждого ученого, кто работает на ниве просвещения, науки, есть какие-то звездные часы. Я горжусь, в частности, тем, что формула презумпции невиновности, которую я предложил в своей статье в "Известиях" 2 июля 1977 года, когда шло обсуждение опубликованного проекта Конституции СССР, эта формула, буква в букву, запятая в запятую, сейчас содержится в Конституции Российской Федерации. И за все мои грехи, надеюсь, Господь на том свете простит меня, учитывая это скромное достижение.

Теперь уж не нужно доказывать необходимость такой формулы, необходимость такого принципа. Теперь важно другое — добиться точного и неуклонного исполнения этого конституционного требования, реализации его на практике. Это не менее сложно, чем добиться записи самого принципа в Конституции.

Вы, конечно, помните, что сказано в 49-й статье Конституции: каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. А дальше, в частях второй и третьей статьи 49-й, обозначены два практических следствия из презумпции невиновности. Часть вторая: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Часть третья: неустранимые сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу.

Если взять недавно опубликованный проект УПК (надеюсь, многие его читали), то есть серьезные основания усомниться в правильности записи в нем принципа презумпции невиновности. Кстати, пользуясь случаем, что мне дали возможность выступать перед такой авторитетной и квалифицированной аудиторией, я хотел бы впервые публично сказать о своем отношении к этому проекту.

Да, в течение двух лет я работал в составе группы Минюста, которая готовила проект нового Уголовно-процессуального кодекса России. В основе этой работы лежали проект Института государства и права и проект Института прокуратуры. В конечном итоге мы выработали тот вариант, который сейчас опубликован. Да, моя фамилия там стоит. Больше того, я лично передал этот проект в Государственную Думу депутатам Калмыкову — бывшему министру юстиции и Миронову с просьбой внести его на рассмотрение Думы, что они и сделали. Так что я причастен даже к реализации проекта. Но поскольку в комиссии в течение двух лет

работало примерно 20 человек с разными взглядами и подходами, я официально заявляю: не могу и не буду нести ответственность за все нормы, которые изложены в этом проекте. В нем есть много положений, с которыми я не согласен, и везде, где представится возможность, буду об этом говорить.

Так вот, составители проекта УПК, будучи абсолютно законопослушными, воспроизвели в 15-й статье, которая называется "Презумпция невиновности", точный текст Конституции. Но они допустили, на мой взгляд, большую ошибку. В Конституции действия из презумпции невиновности, в частности, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Но в Конституции нет чрезвычайно важного, главного практического следствия, а именно: обязанность доказывания виновности возлагается на обвинителя. По логике, это первое практическое следствие. Именно из него вытекает, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Но этого практического следствия, как я уже сказал, в Конституции нет. Ошибка? Нет, не ошибка. Просто Конституция — это документ совершенно иного рода, иного назначения, чем Уголовно-процессуальный кодекс. И система Конституции абсолютно справедливо не позволила в 49-ю статью включить это первое упомянутое мною важнейшее следствие из презумпции. Потому что 49-я статья расположена в главе Конституции, которая называется "Права и свободы человека и гражданина". И было бы нелепо и просто глупо в этой главе писать об обязанностях обвинителя, которым чаще всего, в 95 процентах случаев, выступает представитель государства — прокурор. Именно поэтому и только поэтому в 49-й статье Конституции, посвященной презумпции невиновности, не упомянуто важнейшее практическое следствие: обязанность доказывания виновности возлагается на обвинителя.

Но ведь УПК — это документ совершенно иного плана. И в статье 15-й, посвященной презумпции невиновности, непременно должно быть сформулировано наряду с другими и это важнейшее следствие — обвинитель, т.е. прокурор (или потерпевший по определенной категории дел), обязан доказывать обвинение. А без этого вообще нет смысла в презумпции. Если никто никого не обвиняет, то зачем она нужна? Презумпция появляется тогда, когда кого-то обвиняют в совершении преступления или административного проступка, должностного проступка. Кто обвиняет, тот и обязан доказывать вину. Презумпция действует во всех отраслях права, где возникает вопрос об ответственности индивида. К сожалению, не везде это проведено в законе, а тем более в жизни, но такова должна быть главная идея, на которой, в частности, покоится статус личности в правовом государстве.

Возвращаясь к проекту УПК, я считаю, что рабское, недостаточно продуманное следование составителей проекта тексту Конституции привело к серьезным недостаткам закона, специально посвященного уголовному процессу.

Теперь хотел бы сказать несколько слов о практической реализации презумпции невиновности. Ведь ясно, что одно лишь провозглашение и даже самое широковежательное признание этого принципа ничего не даст, если он не станет частью нашей жизни, не воплотится в конкретную повседневность.

Давайте откроем действующий УПК, который вот-вот уйдет в небытие. Но пока от все-таки действует. В нем есть статья 446-я, которая принята в целом блоке с другими нормами законом от 16 июля 1993 года. Это раздел о производстве в суде присяжных. Когда я читаю эту статью, точнее, вторую ее часть, предусматривающую возможность сокращения судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины, то тут же вспоминаю статью 282-ю УПК РСФСР 1923 года, которая устанавливала возмож-

ность сокращения судебного следствия, если обвиняемый признавал себя виновным. Эта статья фактически не применялась, потому что от нее исходил смердящий запах 37-го года. И вдруг сейчас в УПК России, которая вроде бы тянется к правовым, нравственным идеалам, неожиданно реанимируется норма, потенциально возвращающая нас к прежним опасным стереотипам: если в суде обвиняемый признал себя виновным, если суду все ясно, если стороны не просят об исследовании доказательств и тому подобное (реверансов, оговорок и эквивалентов предостаточно), то можно ничего не исследовать и выносить обвинительный приговор. А если вы заглянете в тот самый проект УПК России, который сейчас внесен в парламент, и посмотрите там статью 315-ю, то увидите, что норма о возможном сокращении судебного следствия в случае признания подсудимым вины касается не только суда присяжных, но любого, всякого суда. Как только получено сознание, — все, по любому делу суд вправе прекратить дальнейшее следствие.

Мне говорят: на западе это принято. Да, на западе суды присяжных вообще распускаются, точнее, не назначаются, если подсудимый признал себя виновным. Присяжных собирают, чтобы разобраться в споре между обвинителем и подсудимым. А когда подсудимые признают себя виновными, то нет и спора. Да, на западе это так. Но запад — это не восток, Англия — это не Россия. В западных странах не было того ужаса тоталитаризма, диктатуры, насилия, в котором имела несчастье жить моя страна с 17-го года. Те признания вины, которые выбивались из каждого арестованного под пытками, — ведь о них нельзя забыть в одночасье. Это ведь — хотим мы этого или не хотим — наша традиция, ужасная, дикая, преступная традиция советской так называемой правоохранительной системы. И если мы сейчас записываем в кодексе саму возможность прекратить исследование обстоятельств дела по той причине, что обвиняемый сказал "да, я виноват", то одна эта запись — только запись! — сразу же поворачивает голову дознавателя, следователя, прокурора, судьи в сторону получения признания, объективно движет к переоценке этого признания, потому что очень уж хочется считать его достоверным — так ведь проще, спокойнее.

И самое поразительное: в этой самой 315-й статье проекта УПК, часть вторая которой разрешает прекратить следствие, есть еще часть третья, где говорится, что это недопустимо, когда речь идет о преступлении, за которое подсудимый может быть приговорен к смертной казни или пожизненному заключению. Боже праведный, помоги найти слова для комментария этого абсурда! Значит, если подсудимому грозит такая суровая мера, как смертная казнь, то нужно исследовать все до конца, чтобы не было ошибки. А если ему светит меньшее наказание, то можно ограничиться только констатацией признания вины. В 1855 году известный русский юрист профессор Дерптского университета Жиряев в своей книге "Теория улик" писал: "Меньшее наказание должно быть назначено за меньшую вину, а не за меньшую ее известность". Блестяще сказано! А у нас получается, что тяжелое наказание может быть назначено только при точном установлении вины, а сравнительно мягкое, допустим, год лишения свободы, можно вклеить на основании одного лишь признания, не затрудняя себя копанием в деталях. То, от чего предостерегал Жиряев полтора века назад, мы сейчас бездумно хотим реализовать в демократической России, которая стремится приблизиться к правовому государству. Ну не парадокс ли?!

Я знаю, что у меня по этому вопросу окажется много оппонентов. Я знаю, что недавно, буквально несколько дней назад, Совет судей Российской Федерации обратился через Верховный суд к законодателям с просьбой ввести такую норму в действующий

УПК, не дожидаясь нового кодекса. Скорее, скорее!

Я не хотел бы быть судим в соответствии с этой новеллой. Горе, если человеческие судьбы будут определяться такими мерками. Я понимаю, как сейчас трудно судьям. Я знаю, как мал у нас штат судей и как много у них дел. Это мученики, которые тащат дела домой, чтобы вечером, ночью успеть их прочитать и набросать проект приговора. Но ведь за каждым из этих дел — люди, живые люди. И никакие соображения оперативности, упрощения, быстроты не могут оттеснить, отодвинуть на задний план задачу достижения справедливости.

Другой вопрос, тоже связанный с презумпцией невиновности. Недавно в МВД разработано Положение о следственных изоляторах. Документ, который определяет, как и где содержатся подозреваемые и обвиняемые. Возможно, документ этот будет санкционирован постановлением правительства. И вот в этом документе — огромном, страниц 40 на машинке, где расписано все о следственных изоляторах, о режиме, о прогулках и так далее, нет ни одного слова, ни одного слова о праве задержанного и обвиняемого избирать и быть избранным.

Я понимаю, что этот мой упрек может у кого-то вызвать иронию или усмешку. Да, я никогда не подам руки Мавроди. Я с презрением отношусь к тем, кто добивается избрания в Думу, находясь под стражей. К тому же Якубовскому, в чью поддержку собираются подписи в тюрьме. Мне эти люди очень неприятны. Но я, повторяя вслед за Вольтером, готов отдать свою жизнь, чтобы эти люди, которые не признаны судом виновными, которые считаются невиновными, чтобы эти люди имели право избирать и быть избранными. Если мы от презумпции невиновности отступим хоть раз, хоть на йоту, мы погубим всю нашу правовую систему. Для меня это истина, аксиома. Нигде, никогда, ни в какой ситуации человек, не признанный виновным по суду, не может считаться виновным. Проект Положения о следственных изоляторах сейчас перерабатывается. Выступая при обсуждении этого документа на Экспертном совете МВД, я говорил: вы не можете отделаться одной фразой, вы должны создать целую главу, посвященную обеспечению права подозреваемого, обвиняемого избирать и быть избранным. Должны прописать все: и ознакомление с программами кандидатов, и сбор подписей, и место избирательного участка и так далее. Чтобы человек, который считается невиновным, чувствовал себя действительно гражданином, а не какой-то второсортной личностью, чьи конституционные права урезаны кем-то, но не судом.

Я понимаю, что регламент мой истекает, если уже не истек. Прошу прощения. Но раз уж я заговорил о конституционных правах, тогда еще один, последний вопрос. Может так случиться, что этот самый документ, если он будет принят с нарушением права невиновного участвовать в выборах и быть избранным, станет предметом рассмотрения в Конституционном суде. Я этого не исключаю. Поживем — увидим. Что касается Конституционного суда, то в его лице мы приобрели чрезвычайно важную инстанцию. Я не склонен идеализировать ситуацию. Всю жизнь выступал критиком и режима, и законов. Но сейчас должен сказать: в Конституционном суде можно найти правду. И в этом убеждают решения, принятые за последнее время этим судом. Сейчас невозможно себе представить нормальное положение в жизни, в стране без Конституционного суда. В психологическом плане то, что он есть, что он существует, что в нем много умных, толковых, талантливых судей, к которым можно обратиться за помощью, — уже одно это естественным образом создает хороший и микро- и макроклимат.

Я напомню вам одно решение Конституционного суда, связанное с нашей проблематикой, с нашими адвокатскими заботами. В

мае этого года суд признал неконституционными нормы статей 220-1 и 220-2 УПК, которые разрешают обжаловать в суд арест только тем, кто фактически арестован. В постановлении суда изложены филигранно отточенные мотивы и положения. Позвольте мне процитировать ряд мест, их всегда можно использовать в защитительной речи адвоката в суде. Ну вот такой, например, великолепный пассаж: "Личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2 Конституции Российской Федерации) и спорить с государством в лице любых его органов". Или еще: "Право на судебную защиту отнесено согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах". Заметьте: не при каких! Даже при чрезвычайном положении никому не позволено ограничивать это право человека. Значит, тот, в отношении кого вынесено постановление о заключении под стражу, даже если он фактически не арестован, тоже вправе жаловаться в суд вопреки буквальному тексту указанных статей УПК. И потому суд постановил: эти нормы УПК неконституционны в той части, в которой они ограничивают круг возможных жалобщиков, оставляют без судебной защиты того, кому угрожает арест. Мудрое, справедливое решение. И пусть оно касается единиц – такие случаи на практике чрезвычайно редки. Но важен подход, важен критерий, важен принцип.

В скором времени Конституционному суду придется решать еще несколько дел о реализации принципа презумпции невиновности и праве обвиняемого на защиту. Я имею в виду, в частности, поступившее в суд обращение одного гражданина, который пишет: мое дело прекращено на предварительном следствии по статье 6-й УПК из-за изменения обстановки; я доказываю следователю и прокурору: я не виновен, был тогда невиновным и сейчас невиновен; не ссылайтесь на истечение времени; требую реабилитации по суду; направьте мое дело в суд. А ему отвечают: закон этого не предусматривает.

Тут мы снова сталкиваемся с явным парадоксом. Можно требовать (и это требование обязательно для следователя и прокурора) направить дело в суд, если тебя передают на поруки, или привлекают к административной ответственности, или если издан акт об амнистии. Все можно. Только одна норма осталась в нашем кодексе, которая не позволяет обвиняемому добиваться реабилитации по суду, – статья 6-я. И человек в своей жалобе просит: признайте эту норму неконституционной, позвольте мне предстать перед судом. Я писал об этом законодательном ляпсусе лет 30 назад. Но ничего не меняется. А вот Конституционный суд наверняка скажет, что эта норма УПК неконституционна. И каждый, чье дело прекращено ввиду изменения обстановки, сможет тогда добиваться своей реабилитации по суду.

Еще одна индивидуальная жалоба, принятая к рассмотрению Конституционным судом, содержит требование признать неконституционной часть пятую статьи 209 УПК, которая разрешает обжаловать постановление следователя о прекращении дела прокурору. Тем самым – и многолетняя практика это подтверждает – устанавливается фактический запрет жаловаться на прекращение дела в суд. А это противоречит статье 46 Конституции, гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод. Не сомневаюсь, что и здесь Конституционный суд станет на сторону гражданина.

Адвокаты знают, что если президиум Верховного суда России однажды рассмотрел надзорный протест, то вторично протест в отношении того же осужденного он рассматривать не станет, не

будет проверять им же ранее вынесенное постановление. Так сформулирована часть 3 статьи 374 УПК. Но ведь судебная ошибка должна быть исправлена в любом случае! Как же быть? И вот из разных концов страны в Конституционный суд пошли жалобы граждан с просьбой устранить процедурные препятствия, дать возможность проверять правильность приговора без всяких ограничений. Без всяких? Значит, надзорным жалобам не будет конца? Я не знаю, как решит эту головоломную задачу Конституционный суд. Но интуиция, а главное, его предыдущие решения подсказывают: препятствия добиваться справедливости в суде будут сняты.

Я заканчиваю свое выступление. Мне кажется, что если все мы в нашей практической деятельности – адвокаты, прокуроры, следователи, судьи, ученые – не будем настойчиво, ежедневно и ежечасно добиваться реализации на практике принципа презумпции невиновности, то все наши остальные хлопоты окажутся зряшными, пустыми, лишенными твердого фундамента. Убежден, что именно это направление – главное русло, по которому должна развиваться наша демократия.

Спасибо за внимание.

Поздравляем юбиляров

После выхода предыдущего (январского) номера нашего журнала коллеги и общественность торжественно отметили "круглые даты" в жизни и деятельности многих российских адвокатов. В том числе:

75 лет со дня рождения Черткова Леонида Николаевича, Вайнтрауб Марата Аркадьевича (Московская городская коллегия адвокатов), **Королева Алексея Семеновича** (Межреспубликанская коллегия адвокатов) и **Любимова Иосифа Павловича** (коллегия адвокатов "Мосюрцентр");

70 лет со дня рождения Горбулевой Розалии Яковлевны, Орловой Майи Иосифовны, Кохановой Маргариты Ароновны, Еронинной Натальи Александровны, Колобовниковой Любови Андреевны (Московская городская коллегия адвокатов) и **Устенко Виктора Кузьмича** (Межреспубликанская коллегия адвокатов);

60 лет со дня рождения Мамедова Мамеда Шихали-оглы, Федунова Виктора Ивановича (коллегия адвокатов "Мосюрцентр"), **Анисимова Леонида Николаевича, Фляжников Юрия Яковлевича, Шмырева Алексея Константиновича** (Межреспубликанская коллегия адвокатов) и **Шагина Александра Сергеевича** (Московская городская коллегия адвокатов);

50 лет со дня рождения Мальцева Виктора Георгиевича, Лобутева Виктора Александровича, Сафронова Евгения Михайловича (Межреспубликанская коллегия адвокатов), **Данильченко Виктора Николаевича** (Московская городская коллегия адвокатов), **Пучкова Александра Федоровича, Шурухновой Татьяны Дмитриевны** (коллегия адвокатов "Мосюрцентр") и **Залманова Валерия Яковлевича** (Межтерриториальная коллегия адвокатов).

Редакция "Российского адвоката" присоединяется к сердечным поздравлениям, прозвучавшим в адрес юбиляров, и желает им здоровья, радости и новых успехов на благородном поприще защиты прав личности.

Просим читателей журнала информировать редакцию о торжествах, которые предстоят в будущие месяцы.

КИБУЦ - ЗНАЧИТ ВМЕСТЕ

Фрида ЮСУФОВА,
соб. корр. "Российского
адвоката" в Израиле

Веками люди мечтали о жизни, основанной на идеалах равенства, свободы и справедливости. Ради этого они в разных концах света шли на борьбу, страдали и терпели лишения в надежде, что наступит время, когда их упорные усилия увенчают-

ся долгожданным успехом и земля, политая их потом, сторицей вознаградит неутомимого труженика, даря ему благоденствие, счастье, согласие с окружающим миром...

Сегодня можно сказать, что одна из самых оригинальных попыток воплотить эти мечты в реальную жизнь предпринята в Израиле. Созданные здесь киббуцы стали такой формой совместной жизни и деятельности людей, которая во многом отвечает их чаяниям и устремлениям.

Каждый израильтянин знает про "Дганию". Так назывался первый киббуц, который появился в 1910 году неподалеку от озера Кинерет. Его основала группа поселенцев, которых увлекла идея устройства жизни на социалистических началах. По сути это была трудовая коммуна, построенная на совместном владении имуществом и средствами производства, на сотрудничестве и удовлетворении всех материальных и духовных запросов членов коммуны из общих средств. Предполагалось, что люди будут одинаково хорошо трудиться и в равной степени пользоваться плодами своего труда.

Последующая история киббуцев не была простой и лучезарной. Она полна трудностей и испытаний. Но, несмотря на них, люди не потеряли веру в мечту о светлой и справедливой жизни и настойчиво продолжали дело, начатое первыми киббуцниками. Особенно активно начался рост числа киббуцев после второй мировой войны, когда в 1949 году на карте мира появилось новое независимое государство — Израиль. Численность киббуцников в составе еврейского населения страны составляла тогда около 7 процентов общего количества евреев молодого государства.

Одним из самых известных стал киббуц, который носит гордое название "Борцы гетто". Его образовали бывшие узники Варшавского, Краковского, Вильнюсского и других гетто, которые мужественно сражались с фашизмом в рядах еврейского сопротивления. Суровые испытания не сломили этих людей. Пройдя круги фашистского ада, они сохранили веру в жизнь, основанную на началах добра и справедливости. Руководители сопротивления в Варшавском гетто Ицхак Цукерман и его сподвижники стали и вдохнови-

телями создания кибуца "Борцы гетто".

В течение многих лет он славится стабильным экономическим положением. Здесь имеется ферма на 900 голов крупного рогатого скота (в том числе 400 молочных коров). Надой от каждой из них составляют в среднем 8000 литров молока в год. Есть в хозяйстве и своя птицеферма. Она дает 1500 тонн мяса в год и около 4 млн. яиц. В прудах выращивается ежегодно по 300 тонн рыбы. Кибуц культивирует хлопок, томаты, кукурузу, авокадо. Немалый доход приносит и собственная цитрусовая плантация.

В кибуце работают две фабрики. На одной изготавливаются конденсаторы, другая производит "мясо без мяса" — оригиналь-

ный продукт, приготовленный из сои с различными органическими добавками, имитирующими вкус более чем 20 видов мясных продуктов.

Одной из самых значительных достопримечательностей кибуца "Борцы гетто" является музей, в котором собраны экспонаты, рассказывающие о мужественной борьбе участников еврейского сопротивления с фашизмом. Ежегодно, в годовщину восстания в Варшавском гетто, здесь проходит траурная церемония, посвященная памяти тех, чьи жизни унесла минувшая война.

Сегодня в Израиле насчитывается 270 кибуцев, члены которых составляют около 3 процентов еврейского населения страны. Чем же привлекает людей жизнь в кибуце?

В первую очередь его основными ценностями — демократией, равенством, кол-

лективизмом, трудом, удовлетворением потребности личности во всех областях, особой заботой о воспитании и образовании младшего поколения.

Верховным органом власти в кибуце является общее собрание его членов. Оно принимает принципиальные решения по всем жизненным вопросам. Правом голоса обладает каждый совершеннолетний член кибуца. Для управления всей деятельностью решением общего собрания создаются комиссии, которые отвечают за определенную работу — в области экономики, воспитания, культуры и т.д. Руководители кибуца также избираются всем коллективом. Таким образом, на практике осуществляется принцип демократизма,

лежащий в основе этой общественно-экономической структуры.

Первые кибуцы занимались в основном сельским хозяйством. Но постепенно в их деятельности все больше места стала приобретать промышленность. И сегодня, выращивая зерновые и цитрусовые, занимаясь производством мяса и молока, кибуцы уверенно осваивают и промышленный сектор экономики. В их владении находятся металлообрабатывающие заводы, предприятия по производству пластмасс, электроники, оптики, мебели, самых разнообразных товаров повседневного спроса. Небезынтересно, что производительность труда на кибуцных предприятиях выше, чем в среднем по стране!

Причина такого положения кроется, главным образом, в том, что труд в кибуце считается не только житейской необходимостью, но и величайшей нравственной ценностью. Поэтому никакая работа не является зазорной или непрестижной. Например, учительница четыре дня в неделю трудится по специальности, а в пятницу дежурит на кухне. Директор фабрики в один из рабочих дней убирает в конюшне, а начальник МТС с готовностью идет охранять ворота кибуца в ночную смену.

Денежными проблемами кибуцники практически не обременены. Питаются они в общей столовой, а если захочется чего-нибудь своего, индивидуального, — есть для этого кибуцный магазин. Все расчеты за покупки, а также за бензин, бар, телефон и другие житейские надобности ведутся по системе очков, сумма которых определяется в зависимости от состава семьи кибуцника.

Все расходы на здравоохранение, жилье, воспитание и образование детей, заботу о пенсионерах берутся из общей кибуцной казны. Это позволяет всем жителям от рождения и до старости чувствовать себя социально и экономически защищенными, побуждает их стремиться внести максимальный вклад в общее благосостояние.

При этом стать членом кибуца сегодня очень сложно. Кандидаты, как правило, молодые супружеские пары проходят так называемый кандидатский стаж. Они проживают в течение года в кибуце, где проверяется их способность принять и выполнять правила жизни, установившиеся в коллективе.

Сотни людей из бывшего СССР нашли свое счастье в кибуцах, ставших для них поистине "землей обетованной". Они продолжают традиции равенства, свободы, справедливости.

В предыдущем номере журнала "Российский адвокат" была опубликована статья начальника Главного управления исполнения наказаний МВД РФ генерал-лейтенанта внутренней службы Ю.И.КАЛИНИНА, в которой поднимались наиболее злободневные проблемы отечественной уголовно-исполнительной системы. Этим материалом редакция начала серию публикаций под рубрикой "Российский адвокат в зоне", где будет рассказываться о жизни людей, попавших в "места не столь отдаленные". Сегодня вниманию читателей предлагаются заметки об исправительно-трудовой колонии, которая находится в городе Вязники Владимирской области.

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Дорога идет по краю широкого, полого поднимающегося к самому горизонту поля, над которым просторно раскинулось прозрачное весеннее небо. Мягкая трава, заполнившая колею, делает шаги неслышными, летящими, словно тишина, разлитая вокруг, не хочет, чтобы ее тревожил даже малейший звук – шуршание песка, хруст перекрученных веток, жалобный скрип откатившегося камня.

Безмолвие бескрайнего, не стесненного ничем пространства...

Он проснулся, но еще несколько мгновений как будто находился в зыбком переходе от недавних сновидений к пронзительно проступившей реальности – свету прожекторов, многорядью колючей проволоки, железным решеткам, перегородившим зону.

Начинался еще один день, до неразличимости похожий на все предыдущие, – подъем, прохладная тяжесть воды в сложенных ковшиком ладонях, привыч-

Константин Чередник

ная слитность колонны, идущей к столовой, проверка, развод на работы...

– Так прошло у меня семь лет...

В глазах моего собеседника лишь на краткий миг проскальзывает боль, ее тут же сменяет выражение привычной усталой горечи. При знакомстве он заученно назвал себя:

– Осужденный Чередник.

Его судьба трагична какой-то особенно нелепой и жестокой изломанностью. Теперь уже далекий 89-й год сулил Косте Череднику, казалось, одни удачи – налаживались дела в кооперативе, который он создал вместе со своими друзьями, любимая девушка ответила согласием на предложение стать его женой.

Жизнь представлялась праздником, полным красок, музыки, стихов...

Он кончился внезапно и безжалостно летним вечером на Ратушной площади в Таллинне.

В эстонскую столицу Костя приехал в

командировку по делам своего кооператива. После работы зашел с приятелем в бар, посидели там, а когда вышли, на улице уже начали сгущаться сумерки. На площади было многолюдно, кругом толпились группы молодежи, слышались оживленные голоса.

Драка вспыхнула внезапно, точно кто-то бросил горящую спичку в кучу хвороста, политого бензином. Костя уже собрался уходить от греха подальше, как вдруг почувствовал, — в голове у него будто что-то взорвалось. От сокрушительного удара он потерял сознание.

Очнувшись он только на следующий день, в местной больнице. Здесь он узнал, что его, оглушенного ударом бутылки, нашли на месте уличной потасовки. Вскоре его доставили в отделение милиции, где разбирались с обстоятельствами драки.

Костя рассказал все, что видел до момента, когда упал на землю, сваленный чьим-то ударом сзади, а потом с надеждой спросил:

— Теперь мне можно домой ехать?

— Домой ты теперь попадешь не скоро, — в голосе дежурного звучала плохо скрываемая враждебность. — Ты убил человека...

Убил человека?!

У Кости все поплыло перед глазами...

Как оказалось, в тот вечер на той же Ратушной площади был смертельно ранен ножом эстонский парень, который затем скончался в больнице. Виновиком трагедии эстонская Фемида объявила Константина Чередника. Местные националисты провели шумную кампанию, требуя сурово наказать "русского пришельца". Даже следователь при первой же встрече прямо заявил, что Чередник специально приехал в Таллинн, чтобы убивать эстонцев. Суд тоже не стал проверять версию, по которой не Чередник, а кто-то другой нанес удар ножом пострадавшему. Эстония спешила обрести независимость, и излишняя дотошность судебного процесса могла только повредить уже готовому сценарию разжигания страстей.

Чередника приговорили к 12 годам лишения свободы...

В первое время в колонии им владело лишь глухое отчаяние. Костя словно погружался в какой-то едкий, все обволакивающий туман, который мешал дышать, думать, жить. Эта завеса будто сгушалась каждый раз, когда письмо в очередную инстанцию с просьбой беспристрастно разобраться в его деле оставалось без ответа. Но однажды вес-

ной он вдруг увидел, какая чистая синева разлита в небе, как торжественно и величаво плывут по нему ослепительно белые, будто только что явившиеся миру облака. И его нестерпимо потянуло к краскам...

Ведь это уже было — занятия живописью, мечта стать художником. Он увлекался музыкой, играл на всех музыкальных инструментах. Теперь предстояло все вернуть — не начать сначала, а именно как бы повести обратный отсчет времени: если сначала оно шло от надежд к отчаянию, то сейчас нужно было идти от безысходности к вере в смысл жизни.

Сегодня Константин Чередник — председатель секции организации досуга в колонии, руководит художественной самодеятельностью. Выступления созданной им музыкальной группы "Последнее слово" пользуются неизменным успехом. При участии Константина стала активнее работать библиотека колонии, которой руководит Валерий Семин, осужденный за убийство. Администрация ИТК не раз поощряла Чередника за примерное поведение и добросовестный труд. Он уже два раза ездил в отпуск, был дома, где его ждет мать, ставшая за эти годы инвалидом.

Его спасли музыка, стихи, кисть художника. Они не давали душе опуститься на самое дно безнадежности и безверия, очищали ее светом неизбывной красоты приобщения к вечному.

Конечно, судьба Кости Чередника — особый случай. Не каждому из обитателей колонии в Вязниках дано творить музыку и писать стихи. Да и оказались они здесь по другому поводу — в большинстве за разбой, кражи, умышленные убийства. Но и для них "обратный отсчет" не закрыт непреодолимой стеной.

Молебная комната встретила нас какой-то особой чуткой доверительной тишиной. Здесь не было просторного пространства храма, где образ Творца отстранен расстоянием, скученностью прихожан, колышущимся пламенем зажженных свечей. Тут он рядом — глаза в глаза. Ничто не мешает протянуться незримым нитям, по которым душа наполняется очищающим светом.

— Когда я впервые пришел сюда, то сразу почувствовал, будто ком грязи от меня отвалился...

Валерий Голубев, который привел меня в молебную комнату, осужден по статье 102 УК РСФСР к 15 годам лишения свободы. Столь суровое наказание отпущено ему за убийство, совершенное

с особой жестокостью. В колонии он уже около 8 лет.

— Было время, когда я начал звереть, терять человеческий облик, — тихо произносит мой собеседник. — Все кончилось бы плохо, если бы не обратился к Богу. Только вера помогла мне спасти душу.

Молебную комнату сделали сами осужденные, а освятили ее священники Вязниковских Святых Церквей Отец Владимир и Отец Роман. И еще один человек принимал самое непосредственное участие в ее создании. Это — заместитель начальника колонии по воспитательной работе подполковник внутренней службы Леонид Васильевич Тычкин. Именно его стараниями было выделено помещение, проведены работы по оформлению.

Сейчас молебную комнату посещают более 80 осужденных. Может, это и не так много в масштабе всей колонии, но каждый из тех, кто приходит сюда, чтобы раскаяться в грехах и помолиться о спасении души, несет потом свет одухотворенности своим товарищам, побуждая и их глубже задуматься над смыслом жизни, истинным предназначением человека на земле.

Об очищении души думают не только в молебной комнате, но и в таком сугубо светском учреждении, как профессионально-техническое училище, что находится прямо в зоне. Ежегодно здесь сотни осужденных получают специальности электрика, токаря, фрезеровщика.

— Немаловажно и то, — говорит директор ПТУ Константин Маркелович Семин, — что здесь они получают возможность общения с нашими мастерами производственного обучения, людьми, за плечами которых большой жизненный опыт.

С одним из них я познакомился в перебиве между занятиями. Леонид Алексеевич Кузовков пришел в ПТУ около 15 лет назад. Через его руки прошла не одна сотня учеников, каждый из которых уже успел вступить в конфликт с Законом.

— Многие приходили сюда озлобленные, потерявшие веру в добро и справедливость, — вспоминает Леонид Алексеевич. — С ними приходилось не раз говорить "за жизнь", терпеливо выслушивать их суждения, которые порой отдавали неприкрытым цинизмом, так называемой блатной романтикой. Самое трудное здесь для воспитателя — не скатиться на поучающий, назидательный тон, а суметь найти подход к самому, казалось бы, закоренелому преступнику,

разбудить в нем человеческое начало, помочь обрести веру в то, что он способен вернуться к нормальной жизни.

Коллектив преподавателей в ПТУ небольшой, но каждый вкладывает в порученное дело не только знания, но и всю душу. И не из-за каких-то особенных льгот, а по велению сердца, сострадающего людям с изломанной судьбой. Тот же Константин Маркелович Семин вот уже 25 лет руководит ПТУ, ровно столько, сколько лет училищу. Не однажды ему предлагали перейти на другую должность, так сказать, более карьерную, но он неизменно отказывался.

– Я чувствую, что здесь нужен больше, – говорил мне Константин Маркелович.

Преданность делу педагога, воспитателя унаследовал и сын Константина Маркеловича Сергей. Он трудится мастером производственного обучения в этом же училище, под началом отца.

– Он не дает мне никаких послаблений, – улыбается Сергей. – Да я и сам вижу, что здесь нельзя работать кое-как. Брак в нашей работе особенно недопустим.

**Полковник
внутренней службы
Николай Паневин**

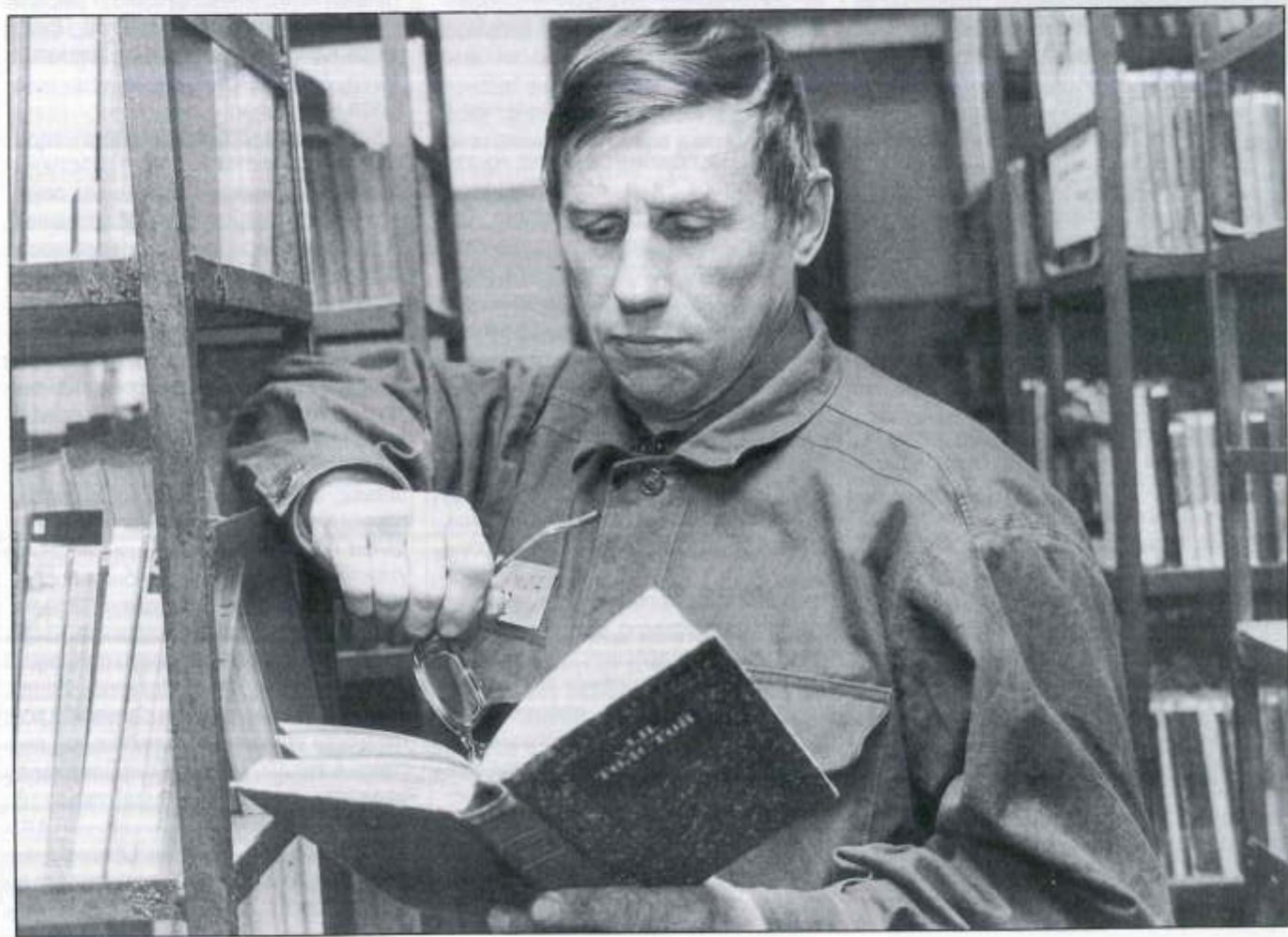
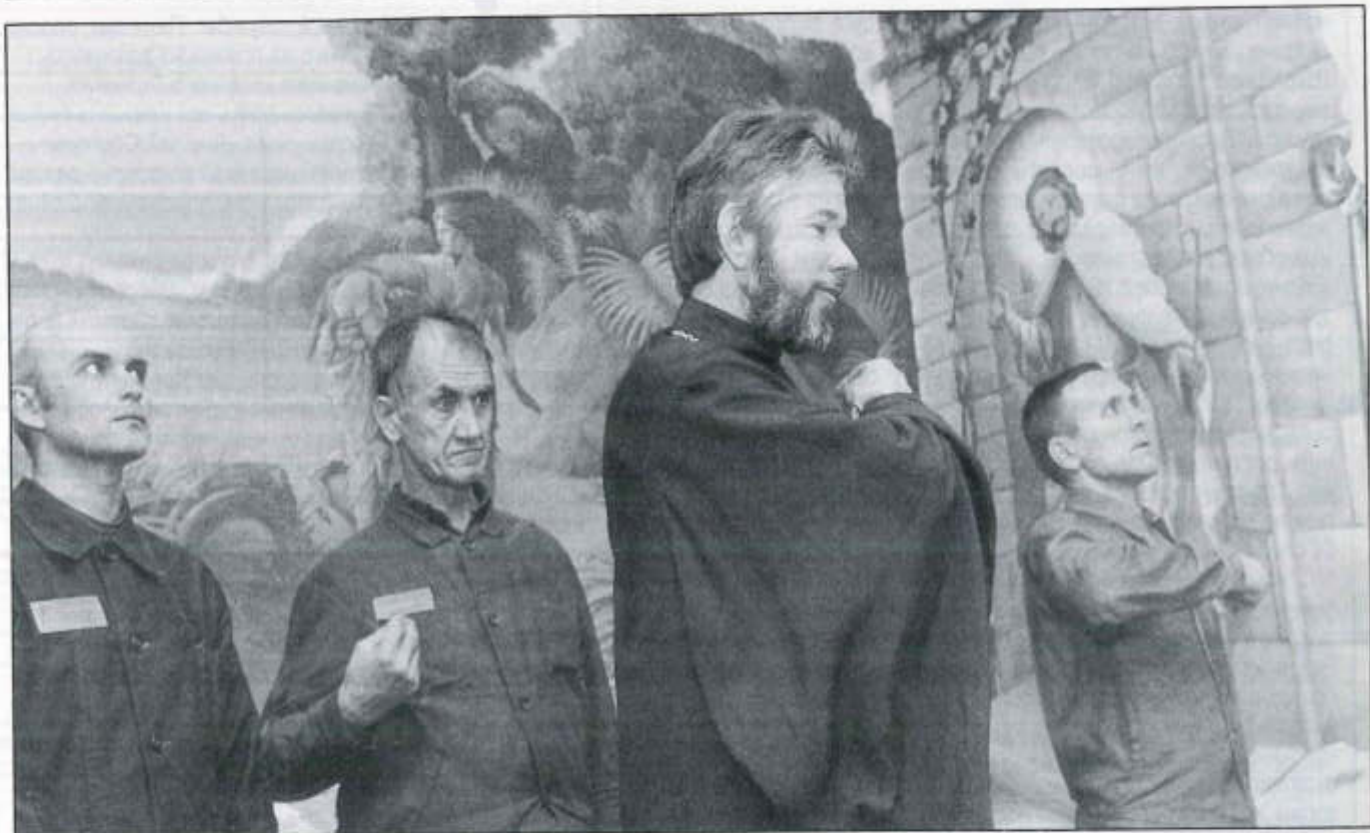
– Ведь мы имеем дело не с учениками обычных школ, – вступает в разговор Константин Маркелович. – К нам приходят люди, совершившие преступление, – воры, насильники, убийцы. И если мы не зароним в их сердца хоть каплю человеческой доброты, человеческого тепла, то их возвращение к нормальной жизни будет более трудным, а порой и просто невозможным. Об этом приходится всегда помнить.

И первым всегда помнит об этом начальник колонии полковник внутренней службы Николай Сергеевич Паневин.

...В начале 80-х годов ИТК-4 среди правонарушителей считалась "шоколадной" зоной. Столь соблазнительное для преступников название колония получила потому, что осужденные здесь чувствовали себя довольно вольготно – в зоне "гуляла" водка, процветали картежные игры, совершались преступления.

Все изменилось с приходом нового начальника колонии. Паневин прежде всего объявил борьбу всяким отступлениям от установленных правил содержания осужденных. За ними был уста-

новлен самый жесткий контроль. Малейшие нарушения тут же пресекались. Штрафной изолятор и помещения камерного типа "заработали" с полной нагрузкой. Десятки бузотеров, любителей покуражиться, не выполняющих требования администрации были водворены под надежные запоры, подальше от остальных обитателей колонии.

Конечно, в любой ИТК найдутся дватри десятка мерзавцев, в которых природа забыла вложить какие-то человеческие начала. Но многие законоотступники еще не до конца потеряли и стыд и совесть. Помочь воскресить их, укрепить ростки добра в сердцах осужденных Паневин призвал родителей, которые не остались безразличными к судьбе своих заблудших чад.

С ними в колонии начали проводить так называемые родительские собрания. Организовывались они по отрядам. Раз в квартал администрация колонии приглашала на встречу десятка два родителей. С ними беседовали начальник колонии, его заместители, начальники отрядов. Они рассказывали отцам и матерям, как ведут себя их сыновья, потом знакомили с условиями их содержания в зоне, показывали общежития, столовую, клуб. Теперь при встрече со своими отпрысками родители лучше знали, о чем говорить с ними, какие струны души затронуть, чтобы в ней пробудились добрые начала.

Дела в колонии пошли на лад. Она несколько лет объявлялась лучшим учреждением областного управления, всего главка. Это и послужило основанием для назначения Николая Сергеевича Паневина начальником Управления исполнения наказаний УВД Владимирской области.

Шел 1992-й год...

А через полтора года жизнь Николая Сергеевича начала обратный отсчет.

... Июльской ночью 1993 года около 20 осужденных Вязниковской колонии, которые находились на профилактическом участке, где содержались наиболее злостные нарушители порядка, сумели проникнуть в помещение одного из отрядов и под угрозой физической расправы заставили людей присоединиться к ним. Они забаррикадировали вход в локальный сектор и предъявили администрации "пакет" своих требований. В основном они сводились к тому, чтобы отменить строевые передвижения, убрать локальные сектора, разрешить носить свою, а не казенную одежду.

Момент для массовых беспорядков

был выбран не случайно. Смена руководства ИТК-4 породила у части осужденных, крайне отрицательно настроенных к существующему в колонии режиму, надежду, что им удастся установить в зоне свои "воровские порядки". Расчет был на то, что с уходом Паневина требования администрации несколько ослабли, чем "отрицаловка" и решила воспользоваться в своих целях.

Более 500 осужденных, сбившись в толпу, стояли на площадке локального сектора. По зоне разносился гул возбужденных голосов, слышались угрозы в адрес руководства колонии.

Несколько часов подряд администрация обращалась к собравшимся с призывом прекратить беспорядки, разъясняя незаконность предъявляемых требований. Но толпа, подстрекаемая вошедшими в раж главарями, начала приходить во все большее возбуждение. Кое-кто из осужденных кинулся выламывать железные прутья из решетки, превращая их в "заточки", страшное оружие в руках впавших в безумный транс людей. Почти одновременно над крышей здания появились клубы дыма. Это наиболее безрассудные осужденные подожгли помещение отряда, чтобы еще больше накалить обстановку.

Положение становилось угрожающим. И тогда было принято решение применить силу...

Два БТР пробили ограждение локального сектора, и в образовавшуюся брешь ворвались бойцы ОМОНа. Они начали рассекать толпу, когда на них с тыла бросилась большая группа осужденных, вооруженных "заточками". Несколько ОМОНовцев упали, сраженные ударами железных прутьев.

Автоматные очереди прозвучали с неожиданной резкостью. Пять осужденных были убиты, более десятка ранены.

...Дни шли за днями, а Николай Сергеевич Паневин никак не мог отделаться от мыслей о Вязниковской колонии. Той, которой он отдал столько сил, бессонных ночей, сердечных тревог. Теперь там пролилась кровь. И хотя никто не ставил это в прямую вину начальнику областного управления, но Николай Сергеевич сам все сильнее ощущал какое-то томительное, не дающее покоя чувство, будто он кого-то поспешно покинул, ушел от чего-то своего, возвращенного в муках и волнениях, ставшего частью его самого, знаком его судьбы.

Его рапорт начальству был лаконичен и прост. Начальник областного управления исполнения наказаний полковник

внутренней службы Паневин просил вернуть его на прежнюю должность.

Начальника колонии в Вязниках.

– Пришлось опять все начинать сначала, – вспоминает Николай Сергеевич. – Наведение порядка, контроль, режим. Ничего, поправили положение. Сейчас колония снова на хорошем счету.

Он так же быстр и решителен в движениях, как и раньше. Возраст выдает только седина на висках. Обратный отсчет не проходит бесследно.

Двадцать с лишним лет минуло с той поры, как он молодым офицером пришел в одну из колоний в Воронежской области, где и началась его многотрудная служба. Первое время никак не мог отделаться от ощущения, что ему тоже уготована несвобода – колючая проволока, вышки, ограждение.

– Потом привык, – просто говорит Николай Сергеевич. – Особенно здесь, в Вязниках, где столько пережито. Наша служба никогда не отличалась легкостью, а сейчас – тем более. Финансирование – вот что приносит постоянную головную боль. Только одно питание осужденных влетает в солидную копеечку. На многие миллионы рублей! А выделяют, как говорится, с гулькин нос. Приходится как-то изворачиваться, влезать в долги. А что делать? Иначе люди останутся голодными.

К проблемам добывания хлеба насущного прибавляются и другие заботы – о ремонте помещений, одежде для осужденных, их медицинском обеспечении. Заместитель начальника медсанчасти капитан внутренней службы Юрий Борисович Пилин рассказывал, что сейчас все чаще приходится прибегать к помощи родственников, которые присылают лекарства. Выделяемые средства так скудны, что их едва хватает на самый скромный минимум.

Так что с любой стороны здесь – проблемы, заботы, тревоги. Государство, определив своим оступившимся гражданам наказание, вольно или невольно утяжеляет кару во внесудебном порядке. Как говорил мне в беседе начальник Главного управления исполнения наказаний МВД РФ генерал-лейтенант внутренней службы Юрий Иванович Калинин, в минувшем году при расчетной потребности уголовно-исполнительной системы 4 трл. 100 млрд. рублей Законом о бюджете утверждено было только 2 трл. 423 млрд.

И это при том, что в последние несколько лет численность осужденных в стране растет ежегодно почти на 10

процентов!

Последствия такого прироста остро ощущаются и в Вязниковской колонии. Она рассчитана на содержание примерно 1600 человек, а находится в ней сейчас около 2000. В некоторых жилых помещениях койки стоят в три яруса. Люди вынуждены постоянно тесниться. В такой обстановке даже мелкая ссора может принять характер бурного конфликта, вызывающего взаимное ожесточение.

— Многие проблемы удалось бы решить, если бы у начальника колонии, администрации ИТУ было больше прав в вопросах решения судьбы осужденных, — делится своими мыслями Паневин. — Взять, к примеру, того же Чередника. Сейчас мы просто бессильны ему помочь. И таких, как он, немало. Многие из них не получили в свое время достаточно эффективной адвокатской помощи, остались практически без квалифицированной юридической защиты. В результате мы вынуждены расплачиваться за огрехи суда. Так дайте нам возможность более активно влиять на освобождение от наказания лиц, которые, по нашему мнению, этого заслуживают! Уверен, общее дело только выиграет.

Беседуя с Николаем Сергеевичем, я обратил внимание, что он ни разу не сказал — осужденный, преступник, зэк. Своих подопечных он называл одним словом — люди.

Для начальника колонии они оставались людьми — оступившимися, согрешившими, изломавшими свою жизнь, но не потерявшими право на "обратный отсчет".

... Сон пришел сразу, и он снова увидел поле, небо, дорогу. Ее отблеск становился все ярче и отчетливее, как зов надежды...

Владимир СЕЛЕДКИН,
спец.корр. "Российского адвоката"
Александр ГУСЕВ (фото)
Вязники-Москва

P.S. Когда номер готовился к печати, стало известно, что начальник ГУИН МВД Российской Федерации генерал-лейтенант внутренней службы Ю.КАЛИНИН направил в адрес начальников территориальных органов управления уголовно-исполнительной системы, учебных заведений МВД России письмо с конкретными предложениями по организации взаимодействия с Гильдией российских адвокатов.

Есть вопрос!

Отвечает адвокат
Нина НИКОЛЬСКАЯ
Тел.: 917-05-82

Я осужден в 1991 году по ст. 103 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы. В Астрахани осталась неприватизированная квартира, в которой никто не прописан и не живет. Поскольку родственников не имею, за квартплату никто не платит. Сохранится ли за мной эта квартира к моменту отбытия наказания?

П.Малахов

По ранее действовавшим положениям ч. 1 и п. 8 ч. 2 ст.60 Жилищного кодекса РСФСР право пользования жилым помещением при временном отсутствии нанимателя жилой площади и членов его семьи сохранялось только в течение шести месяцев.

Жилое помещение сохранялось за временно отсутствующими гражданами на более длительный срок в случаях осуждения к лишению свободы свыше шести месяцев — до приведения приговора в исполнение.

Конституционный суд Российской Федерации, проверив конституционность этих положений, в своем Постановлении от 23 июня 1995 г. признал вышеназванные нормы не соответствующими Конституции Российской Федерации и утратившими силу с момента провозглашения этого постановления. Кроме того, он признал также, что временное отсутствие гражданина (нанимателя жилого помещения или членов его семьи), в том числе в связи с осуждением к лишению свободы, само по себе не может служить основанием лишения права пользования жилым помещением.

Рекомендую еще до отбытия наказания обратиться в жилищные органы по месту вашего прежнего постоянного жительства для выяснения вопроса о том, сохранена ли за вами в период отсутствия ваша квартира.

Отвечает адвокат
Евгений ЩЕРБИННИН
Тел.: 917-08-92

Я осужден в 1992 г. по ч. 1 ст. 108 и ст. 144 УК РСФСР по совокупности к 4,5 годам лишения свободы. Хотя большую часть этого наказания я уже отбыл, однако утверждаю, что преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РСФСР, я не совершал. Как мне быть?

И.Байменов

В соответствии со ст. 371 УПК РСФСР приговор суда, вступивший в законную силу, может быть пересмотрен по протесту того прокурора, председателя суда и их заместителей, которым это право предоставлено законодательством. Они, усмотрев, что данный приговор является незаконным, направляют дело вместе с протестом в соответствующую надзорную инстанцию или отказывают во внесении такого протеста, давая заявителю ответ с указанием мотивов отказа.

Вступивший в законную силу приговор может быть отменен и по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 384 УПК РСФСР), если будет установлено, что приговор был вынесен вследствие ложных показаний свидетелей, заключения эксперта, подложных доказательств, следственных и иных документов или при появлении иных, неизвестных суду, постановившему приговор, данных, доказывающих невиновность осужденного. Возбуждает производство по вновь открывшимся обстоятельствам и проводит по нему расследование прокурор, к которому поступили данные о вновь открывшихся обстоятельствах.

Если вы располагаете данными, которые подтверждают вашу невиновность, то вы можете обратиться с ходатайством к прокурору об опротестовании приговора в порядке надзора или возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, которые не были известны суду.

В минувшем году законодательными и исполнительными органами Российской Федерации было принято около 5000 правовых актов. Журнал "Российский адвокат" открывает новую рубрику "В картотеку адвоката", материалы которой будут знакомить наших читателей с наиболее важными законодательными и нормативными актами, принятыми в последнее время.

Раздел ведет заместитель председателя президиума коллегии адвокатов "Московский юридический центр" Татьяна СВИТ.

Федеральный закон от 24.11.95 г. N 176-ФЗ
"О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации "О коллективных договорах и соглашениях" ("Российская газета", 5 декабря 1995 года).

Настоящий закон часть статей закона Российской Федерации "О коллективных договорах и соглашениях" (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992 г., N 17, ст.890) изложил в новой редакции. В статье 2 по-новому даны понятия "Коллективного договора", "Соглашения" и введены новые понятия "Представители работников", "Представители работо-

дателей". Урегулирование разногласий в ходе коллективных переговоров производится в соответствии с Федеральным законом "О порядке разрешения коллективных трудовых споров"(такова новая редакция ст.8 Закона РФ). Изменения претерпели статьи 9, 10, 11, 16, 18, 20, 25, 27 и 28. Закон РФ "О коллективных договорах и соглашениях" дополнен ст.20¹ "Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений". Настоящий Федеральный закон вступил в силу со дня его официального опубликования, т.е. с 5 декабря 1995 г.

Федеральный закон от 24.11.95 г. N 180-ФЗ

"О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации о возмещении работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей" ("Российская газета", 30 ноября 1995 г.).

Закон внес изменения и дополнения в Правила возмещения работодателями вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей, утвержденные Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24.12.92 г. N 4214-1 (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, N 2, ст.71). Так, статья 11 Правил дополнена частью третьей, устанавливающей, что при определении общей суммы заработка для исчисления впервые сумм возмещения вреда суммы, учитываемые в составе заработка, индексируются в порядке, установленном действующим законодательством при исчислении заработка для назначения пенсии.

Введена новая статья 40-1, предусматривающая досудебное рассмотрение дел о возмещении вреда, т.е. потерпевшие и иждивенцы вправе обжаловать решение работодателя по вопросам, связанным с возмещением вреда, в Федеральную инспекцию труда при Министерстве труда Российской Федерации или в Государственную инспекцию труда субъекта Российской Федерации.

Статьей 49-1 введена выплата возмещения вреда при выезде на постоянное место жительства за пределы территории Российской Федерации. При невыплате сумм возмещения вреда в установленный срок работодатель обязан выплатить пени в размере одного процента от невыплаченной суммы возмещения вреда за каждый день просрочки, как говорит часть третья, дополняющая статью 51. Законом определено, что ранее назначенные суммы возмещения вреда подлежат перерасчету в соответствии с изменениями и дополнениями, принятыми настоящим Федеральным законом, если перерасчет улучшает материальное положение потерпевшего. Перерасчет производится со дня вступления настоящего Федерального закона в силу (ст.4 Федерального закона).

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, т.е. с 30 ноября 1995 г.

Федеральный закон от 30.11.95 г. N 189-ФЗ

"О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР" ("Российская газета", 9 декабря 1995 г.).

Закон изменил и дополнил ряд статей раздела I "Общие положения" (ст.ст. 14, 34, 49, 50, 56, 60, 64, 65, 69, 70, 74, 91, 92, 111), раздела II "Производство в суде первой инстанции" (ст.ст. 114, 115, 116, 119, 149, 157, 165, 195, 197, 219, 221, 222), ввел совершенно новую главу 11¹ "Судебный приказ", который представляет собой постановление судьи, вынесенное по заявлению кредитора о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества от должника. Судебный приказ выносится по форме, установленной статьей 125¹ Кодекса, и имеет силу исполнительного документа. Взыскание по нему производится по истечении десятидневного срока после выдачи приказа и в порядке, установленном для исполнения судебных решений. Глава 14 раздела II изложена полностью в новой редакции. Статьи 158 и 159 настоящим законом исключены.

ГПК РСФСР этим же законом дополнен главой 16¹ "Заочное решение". Оно допускается в случае неявки в судебное заседание ответчика, надлежаще извещенного о времени и месте судебного заседания, если истец против этого не возражает. О рассмотрении дела в та-

ком порядке суд выносит определение. В деле должны быть сведения о надлежачем извещении ответчика. Эти же положения применяются, если в деле участвуют несколько ответчиков, при неявке в судебное заседание одного или некоторых из них. Заочное решение вступает в силу по правилам, предусмотренным ст. 208 настоящего Кодекса. В разделе III "Производство в кассационной инстанции" законом внесены изменения и дополнения в статьи 286, 294, 304, 305, 306 и 314 Кодекса, в разделе IV "Пересмотр решений, определений и постановлений, вступивших в законную силу" изменены статьи 327, 329, 330, 331, в разделе V "Исполнительное производство" изменения внесены в статьи 338 и 339.

Настоящий Федеральный закон введен в действие по истечении 30 дней со дня его официального опубликования.

**Федеральный закон
от 14.12.95 г. N 197-ФЗ**

"О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" ("Российская газета", 26 декабря 1995 г.).

Существенным дополнением, внесенным в закон РФ "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан" (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993 г., N 19, ст.685), является ответственность государственного служащего, наступающая в связи с его обязанностью признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина в соответствии со ст.5 Федерального закона "Об основах государственной службы Российской Федерации". Статья 2 закона РФ дополнена частями второй, третьей, четвертой и пятой, предусматривающими, что граждане вправе обжаловать бездействие государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений и должностных лиц, государственных служащих, если оно повлекло за собой нарушение прав и свобод гражданина, создало препятствие осуществлению гражданином его прав и свобод, незаконно на гражданина были возложены какие-либо обязанности или он незакон-

но был привлечен к какой-либо ответственности, что каждый гражданин имеет право получить, а должностные лица, государственные служащие обязаны ему предоставить возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы..., что граждане вправе обжаловать как вышеназванные действия (решения), так и послужившую основанием для совершения действий (принятия решений) информацию либо то и другое одновременно, что к официальной информации относятся сведения в письменной или устной форме, повлиявшие на осуществление прав и свобод гражданина и представленные в адрес государственных органов, ...должностных лиц, государственных служащих, совершивших действия (принявших решения), с установленным авторством данной информации, если она признается судом как основание для совершения действий (принятия решений). Дополнение ст. 6 частью второй освобождает гражданина от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (решений), но обязывает доказать факт нарушения своих прав и свобод. Статья 7 дополнена частью шестой, устанавливающей, что убытки, моральный вред, нанесенные гражданину признанными незаконными действиями (решениями), а также представлением искаженной информации, возмещаются в установленном Гражданским кодексом Российской Федерации порядке. На кого возлагаются судебные издержки, предусматривает часть вторая, дополнившая ст.9 закона РФ "Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан".

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, т.е. с 26 декабря 1995 года.

**Федеральный закон
от 17.12.95 г. N 200-ФЗ**

"О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации "О федеральных органах налоговой полиции" и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР" ("Российская газета", 27 декабря 1995 г.).

Федеральным законом внесен ряд существенных изменений в закон Российской Федерации "О федеральных органах налоговой полиции" (Ведомости

Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993 г., N 29, ст.1114). Одно из важнейших – изложение в новой редакции п.1 ст.10, которым на федеральные органы налоговой полиции возлагается проведение предварительного следствия в целях выявления и пресечения налоговых преступлений... В связи с этим изменения и дополнения внесены в статьи 34, 69, 70, 96, 117, 125, 126 и 414 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, т.е. с 27 декабря 1995 года.

**Федеральный закон
от 26.12.95 г. 208-ФЗ
"Об акционерных обществах"
("Российская газета", 29 декабря 1995 г.).**

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации настоящий Федеральный закон определяет порядок создания и правовое положение акционерных обществ, права и обязанности их акционеров, а также обеспечивает защиту прав и интересов акционеров, распространяется на все акционерные общества, созданные или создаваемые на территории Российской Федерации, если иное не установлено настоящим Федеральным законом и иными федеральными законами.

Настоящий Федеральный закон вводится в действие с 1 января 1996 г. С момента введения в действие настоящего Федерального закона правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, до приведения их в соответствие с настоящим законом применяются в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону. Учредительные документы акционерных обществ, созданных до введения в действие настоящего Федерального закона, подлежат приведению в соответствие с нормами настоящего Федерального закона не позднее 1 июля 1996 г. Учредительные документы указанных обществ до приведения их в соответствие с нормами настоящего Федерального закона с момента введения его в действие применяются в части, не противоречащей указанным нормам.

Учредительные документы обществ, не приведенные в соответствие с настоящим Федеральным законом до 1 июля 1996 года, считаются недействительными.

**Знакомьтесь:
художник
Леонид НАСИРОВ**

Республиканская художественная выставка 1960-го года, которая проходила в г.Казани, стала для Леонида Насырова первым шагом в большое искусство. 17-летний выпускник художественной школы представил тогда на суд специалистов работу, героями которой были четверо солдат, оказавшихся на барже, унесенной штормом за многие сотни миль от родных берегов, среди бескрайних просторов Тихого океана. Молодого художника привлекли образы людей, вынужденных волею случая вести нелегкую борьбу со стихией.

И посетители выставки, и специалисты высоко оценили дебют талантливого юноши. Перед ним открылись двери художественного училища, которое Леонид Насыров закончил в 1965 г. С этого времени и началась его жизнь профессионального художника, в которой встречается все — и радость творческого озарения, и мучительные поиски, и постижение тайн мастерства.

Сегодня Леонид Насыров известен как один из лучших графиков, который одинаково уверенно чувствует себя в самых разнообразных жанрах — книжной и журнальной иллюстрации, плаката, промграфики. Немало времени и сил отдал Леонид и другому своему увлечению — оформлению театральных спектаклей. Их у него около 20.

Но есть еще одна сторона творчества известного художника, к которой он испытывает особое влечение. Это — юмористические рисунки, комиксы. В них Леонид Насыров стремится не просто на минуту повеселить зрителя, а побудить его острее взглянуть на превратности нашей жизни, научиться лучше различать добро и зло, искренность и фальшь. При этом художника отличает чувственное восприятие бытия, окрашенное прихотливой иронией, ощущениями быстротечности времени, где абсурдность тесно переплетена с реальностью.

Работы Леонида Насырова экспонировались более чем на 130 выставках, которые проходили во многих городах мира. Его творчество представлено и в отечественных музеях, и в зарубежных, и в частных собраниях.

Вниманию читателей журнала предлагается подборка рисунков Леонида Насырова, которые выполнены художником специально для "Российского адвоката".

...и мички
пришли
поворот

"РУССКАЯ
РУЛЕТКА" —
СУПЕР-
РУЛЕТКА!...

ГДЕ
СВИДЕТЕЛИ?

ЖИВЫХ
НЕТ...

ПРЕДЛАГАЮ ЧЕНЧ: Я ВАМ КЛЮЧИ ОТ
"МЕРСЕДЕСА" НАТУРАЛЬНО, А ВЫ МНЕ
КЛЮЧИ ОТ ЭТИХ ДВЕРЕЙ-ФИГУРАЛЬНО

ЭТО ЖЕ
ДОЛЛАРЫ?!

ПРОШЛОГОДНИЕ

Игорь ГАМАЮНОВ,
спец. корр. "Российского адвоката"

35. Женщине, сидящей на скамье подсудимых, в железной клетке, на 20 лет больше. Его спрашивают:

— Почему вы пошли к ней в дом? Вы, что, оказывали ей знаки внимания?

— У меня работа такая — оказывать знаки внимания, — ответил он.

О своей работе Сергей Анатольевич Абросимов говорит скупо: занимается бизнесом. Не являлся на суд из-за бесконечных разъездов. Вот и сегодня вечером уезжает в Сочи (что немедленно подтверждает, вынув из компактной сумочки-визитки железнодорожный билет).

Тогда, в августе 93-го, он был представителем португальской фирмы "Мос-Лис", разыскивал в Москве помещение под офис. Зашел в Управление культуры и досуга Западного округа. Познакомился с начальником Управления — художавой энергичной женщиной Ириной Игоревной Алексеенко.

Это она сейчас, измотанная болезнями, допросами и теснотой Бутырской тюрьмы, пристально смотрит на него из-за решетки.

Их отношения развивались по известному сценарию: он был настойчив и в то же время учтив. Сдержанно улыбался. Просил помещение под офис. Было 30 июля 93-го, и Алексеенко, задерганная телефонными звонками и посетителями, подумав, предложи-

ВОЛЧЬЯ ЯМА

"...Провокация взятки — это непростительная игра на слабости человека, равнозначная тому, чтобы заманить слепого в волчью яму..."

Из интервью с юристом Гильдии российских адвокатов, защитником с 40-летним стажем Вячеславом Цымбалом.

Опытный адвокат, защищая подсудимую, обнаружил: следственные органы в борьбе со взяточниками, как и в прежние времена, пользуются запрещенными приемами.

знаки внимания

Следствие по этому делу затянулось — болела обвиняемая. Наконец назначили суд, а главный свидетель не явился. Суд перенесли - свидетель опять не пришел. Не появился он и в третий раз.

Только после угрозы принудительного привода предстал он перед судом: высокий, темноволосый, в светлом пиджаке, в очках с затемненными стеклами, теребя в руках листок с записями. Ему

ла зайти 2 августа. Он зашел. Их разговору по-прежнему мешал телефонный трезвон, и Алексеенко, женщина разведенная, а потому достаточно раскованная, обронила:

— Поговорить бы об этом в спокойной обстановке.

— Хорошо, — откликнулся посетитель. — Давайте в ресторане. Вы во сколько заканчиваете? В восемнадцать. Я подъеду.

Их снова перебил телефон. Звонила давняя подруга Ирины Игоревны — Лариса Сергеевна Шичилина, интересовалась сегодняшним вечером. Алексеенко призналась ей, испытующе глядя на Абросимова, что приглашена в ресторан, и Сергей Анатольевич опять живо откликнулся.

— Скажите, я и ее приглашаю.

Алексеенко сказала... А в 18.00, выглянув в окно, ахнула: у подъезда стояла "Чайка", автомобиль, в котором когда-то разъезжали только номенклатурные боссы. Абросимов, в модном костюме из ткани со струящимся блеском, был неотразим: "новый русский", купеческий размах, но — без вульгарной настырности!.. Летний вечер обещал быть романтическим — в уютном ресторане "Руслан", куда не каждому дано попасть.

Водителю Абросимов велел вначале заехать на Новый Арбат — там, в гастрономе, ему хотелось взять португальского вина — пусть дамы сразу почувствуют вкус сотрудничества с португальской фирмой. Остановились. В гастроном Абросимов почему-то пошел с шофером. Может, решил купить целый ящик? Нет, вернулись с одной бутылкой. Странно. Ну да каких только чудачеств не бывает у мужчин, вдруг решивших поухаживать за женщинами!.. Поехали дальше, по спящим от летнего солнца московским улицам, на Таганку, где у невзрачного подъезда со скромной вывеской остановились. "Видимо, камуфляж такой, — решили женщины, — чтоб не привлекать кого попало". Но и в самом ресторане они

не заметили ничего особенного: тесный зал, редкие посетители, обычная еда.

Зато их собеседник был в ударе. Потчевал водкой "Абсолют" и захваченным вином. Развлекал разговорами. Как и следовало ожидать, время от времени возвращался к делам: говорил об условиях договора фирмы с Управлением. Даже показал черновик будущего документа. Алексеенко, взглянув, заметила: формулировка должна быть другой — о широком спектре сотрудничества, а не только об аренде помещения. Ведь у них действует программа "Префект-досуг", сама Алексеенко ее автор. Фирмы, снимающие в их округе нежилые помещения, финансируют культурные мероприятия.

Все бы ничего, но временами "новый русский" вдруг начинал нервничать: то ему понадобилось срочно позвонить в столицу Португалии Лиссабон, руководителю фирмы, и он, повесив пиджак на спинку стула, спустился вниз, к подъезду, где в автомобиле будто бы был телефон спутниковой связи. То ему стало плохо от выпитого, и он ушел в туалет, по-прежнему оставив пиджак на стуле. То к ним за столик подсел какой-то человек, назвавшийся приятелем Абросимова, но, не сказав ничего вразумительного, исчез.

Женщины отнеслись к этим эпизодам снисходительно, они в общем-то были рады развлечению. Поэтому в 12-м часу ночи, когда "Чайка" плавно подкатила к подъезду Алексеенко, Ирина Игоревна предложила подняться к ней. Они поднялись. Пили кофе. Лариса Сергеевна рассказывала о балетном фестивале, который намечался в Ялте, показывала пресс-релиз. Цена поездки туда для гостя по тем временам была серьезная — 500 тысяч рублей, и Алексеенко заметила, что среднезарабатывающему москвичу это не по средствам. Сама она хотела бы поехать, очень утомила ее ежедневная круговерть, но не может — дела!

Сергей Анатольевич, уже совсем освоившись с дамами, тоже посетовал на множество неотложных дел. А спускаясь по лестнице с Шичилиной к ожидавшему их автомобилю, сказал Ларисе Сергеевне, что Ирина интересная женщина и ему нравится, — примерно так потом Шичилина воспроизвела их мимолетный разговор, рассчитанный, как она поняла, на то, что слова эти будут немедленно переданы Алексеенко.

Разумеется, они были переданы. И — достигли цели.

ИЗ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

... Алексеенко И.И. — один из наиболее сильных отраслевых руководителей в Западном административном округе.

...В условиях недостаточного бюджетного финансирования не допустила сокращения учреждений культуры... Для этого привлекались также средства предпринимательских структур, что в условиях отсутствия правовых и нормативных документов является, по сути, новым и рискованным для руководителей делом.

...Под ее руководством проводилась автоматизация и компьютеризация учреждений культуры, внедрена программа "Префект-досуг".

... Решительна, контактна, порой чрезмерно самолюбива... По характеру - независима, бывает излишне резка... Умеет отстаивать занятую позицию.

Ей присвоено звание "Заслуженный работник культуры Российской Федерации".

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АДВОКАТОМ В.ЦЫМБАЛОМ.

— ... Почему, на ваш взгляд, именно Алексеенко удостоилась такого "внимания"?

— Тут две версии. Первая: она резко отказала нескольким сомнительным коммерческим структурам, и те пообещали ей

отомстить. Угрожали по телефону. Она даже вынуждена была обратиться в милицию, но, как водится, стражи порядка угрожавших не нашли. Вторая: на вышестоящего начальника Ирины Алексеенко, префекта А.Брячихина, собирали компромат, и когда Алексеенко задержали, то в Бутырке ей сказали открытым текстом: дашь сведения на Брячихина, отпустим по подписке на волю... Она отказалась.

— Но как она, человек с немалым жизненным опытом, не насторожилась, не подумала, что за ней охотятся?

— Абросимов усыпил ее бдительность ухаживаниями. Деориентировал. Обаяния он не лишен. Тут на мою подзащитную, как говорится, затмение нашло. Слепела...

СВИДАНИЕ ... ЧЕРЕЗ РЕШЕТКУ

Он волновался на суде. Делал пометки на листке. Вытаскивал из туго набитой сумочки какие-то бумажки.

— ... Те 500 тысяч, которые вы принесли Ирине Алексеенко, ваша зарплата? Или — представительские? — уточняет адвокат Цымбал.

— Нет, это мои... Сбережения... Часть сбережений...

(Цитирую по диктофонной записи, сделанной в Мосгорсуде.)

— Вы в этот период не продавали какие-то личные вещи, чтобы поддержать свое материальное положение?

— Знаете, нет, — и, подумав, решительно. — Нет!

— Точно помните?

— Да.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.

За неделю до поиска помещения он (Абросимов) продал принадлежащую ему видеокамеру за 910 тысяч рублей. Как усматривается из заявления, в тот день — 5 августа 1993 года — он принес в органы милиции принадлежащие ему лично 500 тысяч рублей, которые он должен будет передать Алексеенко после подписания договора... Номера купюр переписаны. Пометка денег люминесцентными веществами не производилась. После осмотра денег и составления этого протокола деньги возвращены Абросимову...

— А на предварительном следствии, — продолжает Вячеслав Константинович Цымбал, — вы говорили, будто вынуждены были продать для дачи взятки видеокамеру "Панасоник".

Возникает заминка. Главный свидетель обвинения напряженно вспоминает, поправляет очки, склоняется к бумажке.

— Возможно и продал, — говорит нерешительно. — Я не помню...

Поразительный ответ! Как можно не запомнить продажу личной видеокамеры, которая стоила почти миллион (а в 93-м это были весьма ощутимые деньги!), да еще ради того, чтобы именно из этих денег дать полумиллионную взятку и посадить в тюрьму немолодую женщину?..

Нет, наверное все-таки можно не запомнить. При одном условии: вся эта история с продажей видеокамеры выдуманна. Для заявления в милицию. Чтоб убедительнее звучало. Поэтому через два года и забылась.

— Постарайтесь хоть что-то вспомнить, Сергей Анатольевич, — обращается к свидетелю адвокат Цымбал. — Вы, что, часто передаете деньги?

— Нет, не часто...

Суд зачитывает показания Абросимова на предварительном следствии — о продаже видеокамеры "Панасоник".

— Вы подтверждаете, что продали видеокамеру, а вырученные

Адвокат Вячеслав ЦЫБАЛ

деньги истратили на Алексеенко? — снова уточняет адвокат.

— Совершенно правильно, — подтверждает Абросимов так решительно, будто двумя минутами раньше не опровергал этот факт.

Казалось бы, одна такая подробность уже должна была вызвать сомнения в правдивости показаний главного свидетеля... Однако самое сенсационное было впереди. Но прежде, чем рассказать, что именно выявил адвокат Цымбал, изучая личность Абросимова, вернемся к самому драматическому моменту этой истории.

Абросимов снова, в третий раз, появился в Управлении 9 августа — через неделю после романтической прогулки с Алексеенко и ее подругой в ресторан. Вошел в приемную. Ирина Игоревна была занята и, по ее словам, увидав его, посетовала: "Сереза, сегодня масса проблем, давай в другое время..." Но он, как всегда, был настойчив. И она пригласила его.

Секретарь Лада Рыбакова принесла чай. Алексеенко подписала договор о сотрудничестве (в двух экземплярах), на нем даже были поставлены печати, хотя Ирина Игоревна заметила, что это лишь предварительный документ. По-прежнему трезвонил телефон, заходили люди. Одна из сотрудниц советовалась, где выгоднее обменять рубли на доллары, и Абросимов немедленно назвал адреса нескольких обменных пунктов. Чай был допит, в приемной Ирину Игоревну ждали люди, и Сергей Анатольевич, взяв второй экземпляр договора, собрался уходить, предложив встретиться вечером, чтобы "подробнее обсудить характер сотрудничества".

На суде он скажет, что вышел первым, хотя сидевшие в приемной заметили, что первой из кабинета вышла Алексеенко. Абросимов как джентльмен пропустил ее. Она проводила его, вернулась

и тут, по ее словам, увидела на столе деньги. Десять купюр пятидесяти тысячными. 500 тысяч рублей! Цена гостевой поездки в Крым, на балетный фестиваль!.. Куда она из-за обилия срочных дел не могла поехать — ведь говорила же ему.

Что должна была подумать в этот момент увлеченная мужчиной женщина, увидев от него на столе такой презент?! Женщина, которой на сегодняшний вечер он назначил свидание?! Скликать сотрудников и составлять протокол о находке, подведя таким образом не чужого уже ей человека под статью о взяткодательстве? То есть ответить на его душевный порыв, на своего рода признание в симпатии — подлостью?.. Да ни за что!.. Он ведь еще позвонит до вечера... А пока... Нет, деньги эти не могут лежать здесь.

Алексеенко, взяв их со стола, вышла в приемную и, склонившись к секретарю Ладе Рыбаковой, попросила ее "убрать" их к себе в кошелек. Уже в судебном заседании Л.Ю.Рыбакова вспомнит, что Алексеенко добавила такие слова: "... Потом разберемся". Но суд, почему-то безоговорочно веривший Абросимову, оправдывавший его метания от одного утверждения к прямо противоположному (Из приговора: "...Абросимов допускал некоторые неточности в описании событий от августа 1993 года, сославшись на то, что плохо помнит детали... Судебная коллегия принимает такое объяснение...", стр. 24), Ладе Рыбаковой не поверил. Решил, что она хочет помочь своей начальнице.

Не смогла себе помочь и сама Алексеенко. Увидев в окно, что Абросимов возвращается к подъезду, она сказала сослуживице: "Как хорошо, что он вернулся!". Она стояла у входа в свою приемную, когда он появился в коридоре. Попыталась что-то сказать ему. Но Абросимов был в окружении каких-то людей, решительно направлявшихся к Алексеенко. Затем он исчез будто призрак и за долгое время следствия и первых заседаний суда не появлялся — целых два года! Ее просьбы и ходатайства адвокатов об очной ставке с ним почему-то отвергались... И вот только сейчас, в зале заседаний Мосгорсуда, сквозь железную решетку Ирина Игоревна увидела его наконец. Свидание, хоть и с некоторым опозданием, состоялось. И — объяснило все.

А тогда, в окружении сотрудников милиции, вошедших с ней в ее кабинет и тут же взявших со стола оставшийся экземпляр договора, она была в шоке. Она не понимала, что происходит. То ли Абросимова пытаются уличить во взяткодательстве, то ли ее — в коррупции. Представить себе, что человек, назначивший ей свидание, подложил ей пачку денег с переписанными номерами, она не могла. И в панике, теряя самообладание, стала отказываться от всего.

Милиция потребовала у Алексеенко ее кошелек. Она предъявила. Не найдя там искомым полмиллиона, оперативники спросили, получала ли она сегодня от кого-либо деньги? "Нет", — ответила Алексеенко. Тогда кошелек потребовали у ее секретарши. И обнаружив там заветные 50-тысячные, спросили: "Чьи?" — "Ирина Игоревна передала на хранение". Рыбакова тоже была в жутком волнении и забыла добавить те важные слова, которые потом, уже на суде, вспомнила, — о том, что с этими деньгами Алексеенко хотела "разобраться".

Ирина Игоревна, уже задержанная, отправленная в Бутырку и представшая затем перед следователем, все еще полагая, что спасает Абросимова, продолжала твердить: "Не знаю, что это за деньги". И только позже, опомнившись, восстановив в памяти некоторые странности в его поведении, сказала: "Абросимов подложил мне эти деньги, когда я выходила из кабинета".

Но ни следствие, ни суд ей уже не поверили.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АДВОКАТОМ В.ЦЫМБАЛОМ.

— Но почему ей было предъявлено обвинение по статье 173 часть III, то есть неоднократное получение взятки? Наказание, между прочим, от 8 до 15. С конфискацией.

Следствие решило, что полученная ею картина "Золотые шары" стоимостью 50 тысяч рублей, выставленная в художественной галерее на территории их округа, взятка. А организаторы выставки отдали Ирине Игоревне эту картину на два месяца с тем, чтобы Алексеенко ее "примерила" к своей квартире. А то, бывало, покупали, потом — разочаровывались, вот и была принята такая система продажи. Когда пришла пора расплачиваться, Алексеенко уже находилась в Бутырке. Но организаторы выставки выступили в суде, эпизод отпал.

— Но, может быть, на Алексеенко был собран другой компромат — телефонные откровения, незаконные сделки?

— Ее хозяйственную деятельность тщательно проверили — ничего не нашли. Я догадываюсь, что и записи ее разговоров велись. В том числе и во время романтической поездки Алексеенко и ее подруги в ресторан. Сейчас по закону такие записи можно представить в суд. Но их нет! Потому что, видимо, в тех записях не оказалось ничего криминального.

— Вам случалось уже вести дела, в которых бы присутствовал элемент провокации?

— Да. И не раз.

ИЗ СУДЕБНЫХ ДЕЛ, ВЫИГРАННЫХ АДВОКАТОМ В.ЦЫМБАЛОМ.

... В Курске судью одного райнарсуда обвинили в получении взятки, а также в изнасиловании женщины, которую должен был судить суд, где он был председателем. А механизм сработал такой: незадолго до случившегося этот судья отказался выполнить просьбу начальника УВД о смягчении наказания для сына сотрудника этого УВД. Тогда доблестные работники милиции "вышли" на молодую женщину, которую должны были судить за растрату, пообещали, что не лишат ее свободы, если она согласится передать судье меченые купюры и сделает заявление, будто он ее изнасиловал в собственном кабинете. Инсценировка была выполнена. Судья арестован и осужден. Пробыл в местах лишения свободы два года. За это время адвокат Цымбал обивал пороги всех судебных инстанций и добился пересмотра дела. Судью оправдали.

ФАКС ИЗ ЛИССАБОНА

А теперь о том, кем предстал пред судом свидетель Абросимов после адвокатского расследования Вячеслава Цымбала. Итак — диктофонная запись:

— Кто предложил встретиться в ресторане? — спрашивает Абросимова судья Ламинцева.

— Инициатором был я, — отвечает Абросимов.

— Когда зашла речь о 500 тысячах?

— После ресторана, у Алексеенко. Ее подруга Шичилина в тот момент куда-то вышла, и Алексеенко предложила мне дать ей 500 тысяч на поездку в Крым, сказав, что с этого и начнется наше сотрудничество.

(Свидетель Шичилина заявила о том, что в доме Алексеенко ни разу не оставляла Ирину Игоревну наедине с Абросимовым.)

— Как вы пришли к мысли обратиться в милицию?

— Я решил, что это нечестно. Алексеенко должна работать за зарплату...

И еще вопрос. На этот раз самой Алексеенко.

— Прошу вспомнить, — спрашивает из-за решетки Ирина Игоревна, — хотя с памятью у вас большие проблемы, как у нас с вами складывались отношения. Не стали бы вы отрицать, что у нас возникли не просто товарищеские отношения, а... (тут подсудимая замялась — И.Г.) дружеские, теплые?

Пауза... И в напряженной тишине зала звучит голос Абросимова.

— Возможно.

Даже сейчас, когда десятки глаз с удивлением смотрят на него из зала, он не смог сказать категорическое "нет".

— Вы не могли бы предъявить суду доверенность, согласно которой вели в 93-м дела португальской фирмы "Мос-Лис".

— Господин адвокат, я с тех пор по контракту работал со многими фирмами. И доверенности не храню.

— Поручала ли вам португальская фирма в августе 93-го подыскивать помещение под офис? И кто именно из руководства?

— Поручали, но кто именно — не помню. Эти португальские фамилии трудно запоминаются.

— Известно ли вам, — продолжает Цымбал, — что португальская фирма "Мос-Лис" с начала 93-го никакой деятельности не вела ни в Португалии, ни за ее пределами?

Возникла тягучая пауза. Абросимов пытался осмыслить информацию.

— Нет, мне это не известно.

— А о том, что фирма никогда не имела, не имеет и не намеревалась открывать свое представительство в Москве?

— Нет, не известно.

— У меня больше нет вопросов, уважаемые судьи, — проговорил адвокат Цымбал, вставая из-за своего стола с листком бумаги. — Я прошу приобщить к делу вот это сообщение, полученное мной по факсу из Лиссабона. В нем говорится...

Я видел этот документ. В нем за подписью руководителя фирмы И.Прусакова (трудно запоминаемая "португальская" фамилия!) сообщалось: фирма "Мос-Лис" заморозила свою деятельность с января 93-го. Господин же Абросимов в штате фирмы никогда не состоял, поручений вести переговоры о представительстве фирмы не получал. Если же таковые он вел, то это его личная инициатива. Доверенность же, выданная господину Абросимову на установление торговых контактов, утратила свою силу с января 93-го.

Факс из Лиссабона идет по рукам. Вначале его рассматривают судьи. Затем — прокурор. Потом — Абросимов. И происходит то, что случается с актерами, у которых сползает грим: проступило истинное лицо свидетеля обвинения.

Не нужно ему было помещение под офис. Ему, судя по фактам, всплывшим на суде, нужен был лишь эпизод взятки попавшей "под колпак" Алексеенко.

Он пребывал в растерянности недолго. Абросимов стал убеждать суд, будто из Лиссабона ему звонил кто-то, чье имя он не запомнил, поручив подыскать место под офис.

Суд же, похоже, не был обескуражен информацией адвоката Цымбала. Все так же внимательно вслушивался в пояснения Абросимова. Потом, в приговоре, я пытался найти оценку обнаруженному адвокатом факту и — не нашел. На его 23-24 страницах, правда, сказано: сообщение руководителя "Мос-Лис" на запрос защиты "подтверждает, что фирма не имела и не имеет своего представительства в Москве". Все! Ни слова о том, что Абросимов действовал не по распоряжению фирмы, прибегая при этом к методам, далеким от морали и этики. Лишь мягко замечено: "Абросимов допустил НЕКОТОРЫЕ НЕТОЧНОСТИ (выделено мной — И.Г.) в описании событий...". Хороши неточности! Тогда что такое в понимании судей притворство, спекуляция на чувствах одинокой женщины?!

Нет, я не против использования агентов в борьбе с махровыми

взятчиками. Потому что хорошо знаю, как трудно их выявлять, добывая бесспорные доказательства. Я только против отсутствия профессионализма в этом сложном и тонком деле. Я против, когда агент НЕ ВЫЯВЛЯЕТ взяточничество, а СОБЛАЗНЯЕТ ВЗЯТКОЙ, провоцируя преступление, которого могло и не быть. Я категорически против, когда понятия права и морали оказываются по разные стороны баррикад и искоренять преступность пытаются аморальными методами.

ИЗ ИНТЕРВЬЮ С АДВОКАТОМ В.ЦЫМБАЛОМ.

– Суд переквалифицировал вину Алексеенко с части III статьи 173 на более мягкую – часть I и осудил ее на 3 года лишения свободы. С конфискацией. Что вы можете как юрист с 40-летним стажем сказать по этому поводу?

– Суд полностью проигнорировал сообщение из Лиссабона о том, что Абросимов не был уполномочен на поиск помещения в Москве. Тем самым, вопреки очевидному, признал Абросимова представителем фирмы.

– А если бы не проигнорировал и не признал?

– Тогда пришлось бы подвергнуть сомнению факт дачи взятки. Ведь Абросимов выполнял чье-то задание, ему нужен был результат. А результат сомнителен. Доказательства шатки, так как СТРОЯТСЯ ТОЛЬКО НА ЕГО ПОКАЗАНИЯХ. А показания свидетелей, видевших, что он вышел из кабинета Алексеенко после нее, что Алексеенко отдала деньги секретарше, чтобы потом с ними "РАЗОБРАТЬСЯ", что она была дезориентирована ухаживаниями Абросимова, – все это суд не принял во внимание. Под предлогом, будто сослуживцы Алексеенко

пытаются ей помочь. Хотя ясно: имела место ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ.

– Неужели в нашем законодательстве это не предусмотрено?

– В новом Уголовном кодексе России есть статья под номером 287: "Провокация взятки". Но принятый в конце минувшего года Думой, он пока не подписан Президентом, так как его надо согласовать с непринятым еще Процессуальным кодексом.

– Ваши планы по судебному делу Алексеенко?

– Буду бороться до конца...

ИЗ СУДЕБНЫХ ДЕЛ, ВЫИГРАННЫХ АДВОКАТОМ В.ЦЫМБАЛОМ.

В Старом Осколе Белгородской области милиция использовала психически больного человека, заставив его написать заявление о вымогательстве управляющего промстройбанком. Подобные заявления путем угроз и принуждения были получены от нескольких коммерсантов и даже от охранника банка. Управляющего осудили на 6 лет лишения свободы. При повторном рассмотрении дела облсудом в ином составе судей адвокат Цымбал доказал несостоятельность обвинения. Дело было направлено на дополнительное расследование, после чего банкир был оправдан.

Не хочу предугадывать, чем кончится дело Алексеенко. Но как бы оно ни кончилось, я вернусь к нему, чтобы рассказать об этом читателям.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Май

2 мая (21 апреля по ст.ст.) 1785 года Екатерина II даровала права и вольности дворянству. Без суда дворянин не мог быть лишен жизни, чести и имени.

4 мая 1961 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о борьбе с туеядством. Спекулянты, частники, проститутки могли выселяться в отдаленные местности на срок до 5 лет.

7 мая (25 апреля по ст.ст.) 1842 года родился Федор Никифорович Плевако, адвокат, выдающийся судебный оратор. Умер в 1909 году.

8 мая 1945 года в пригороде Берлина Карлхорсте подписан акт о безо-

говорочной капитуляции гитлеровской Германии.

10 мая (27 апреля по ст.ст.) 1906 года — 90 лет назад — в Таврическом дворце Санкт-Петербурга открылись заседания первой Государственной Думы России.

13 мая 1918 года декретом ВЦИК и СНК наркомпроду предоставлены чрезвычайные полномочия для борьбы с лицами, "укрывающими хлебные запасы". Вводились т.н. продотряды.

14 мая (2 по ст.ст.) 1866 года — 130 лет назад —

решением министерства юстиции в Петербурге образована первая группа (27 человек) присяжных поверенных. Через четыре дня такая же группа (19 человек) была образована в Москве.

17 мая 1995 года Президент РФ подписал закон о выборах Президента Российской Федерации. Кандидат не может быть моложе 35 лет и должен прожить в стране не менее 10 лет.

18 мая (7 по ст.ст.) 1744 года указом императрицы Елизаветы Петровны приостановлено приве-

дение в исполнение смертных приговоров. Казнь заменялась вечной каторгой и клеймением словом "вор". До восстания декабристов в 1825 году было лишь несколько отступлений от этого правила.

28 мая 1922 года возрождены после Октябрьской революции органы прокуратуры. До 1938 года они действовали как часть судебной системы.

29 мая 1992 года Верховный Совет РФ установил возможность судебной проверки законности содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей.

Жуэра ЗАРИПОВА - старший преподаватель юридического факультета Нижегородского государственного университета. Адвокат 3-й Нижегородской коллегии адвокатов. В публикуемой ниже беседе с корреспондентом "Российского адвоката" она делится размышлениями по поводу одного дела, в котором выступала в качестве защитника.

— Жуэра Насимовна, в чем состоит суть этого дела, если обратиться к его истокам?

— В конце 94-го — начале 95-го года истцы — 16 человек — обратились в суд с иском к Правдинскому заводу радиорелейной аппаратуры и администрации Балахнинского района Нижегородской области о предоставлении им благоустроенных квартир, указывая, что в 80-е годы завод начал строительство многоэтажных домов, в результате чего, мол, их дома оказались затопленными грунтовыми и сточными водами.

Суд первой инстанции, посчитав, что материалами дела доказано, что подтопление домов, принадлежащих истцам, приведение домов в ветхое состояние произошло по вине ответчика — завода, обязал его предоставить заявителям жилые помещения. При этом суд вынес решение, которым расселил истцов в фактически занятые жилые помещения, где уже жили работники завода. Эти квартиры были распределены работникам завода администрацией и профсоюзным комитетом, списки были направлены в администрацию района для сведения и выдачи ордеров. Более того, эти списки были утверждены жилищной комиссией администрации района. Но суд, не истребовав решения администрации района об утверждении списков, счел эти жилые помещения свободными и обязал завод предоставить их истцам.

Причем, суд не привлек работников завода ни в качестве ответчиков, ни третьих лиц, не допросил их в качестве свидетелей. А ведь это лица, на чьих правах и охраняемых законом интересах отразилось судебное решение.

— А ордера были выданы работникам завода?

— Указанный дом построен за счет фондов предприятия. Решение администрации и профсоюзного комитета завода носит конститутивный характер, оно окончательно и даже не требует утверждения администрацией района, которая должна была выдать ордера. Однако их выдача искусственно задерживалась до вынесения судом решения о предоставлении этих квартир соасем другим лицам. И эти лица ночью, несмотря на присутствие работников милиции, взломали замки и вселились в опечатанные квартиры, в которых до сих пор находится имущество работников завода.

Сверяться со своей совестью

В результате сложилась серьезная конфликтная ситуация между теми, кто жил в этих квартирах и кто живет в них сейчас. Но будем надеяться, что справедливость восторжествует. Верховным судом РФ решение Балахнинского городского суда и последующие судебные постановления в части возложения обязанности на Правдинский завод радиорелейной аппаратуры по предоставлению жилых помещений истцам с членами семьи отменены и дело в полном объеме направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе судей.

— Как вы считаете, что привело к вынесению первоначального незаконного решения?

— Одним из оснований, которые привели к его отмене, явилось то, что судья, рассмотревшая дело по первой инстанции, оказалась родственницей одного из истцов. Данное обстоятельство в соответствии с ч.2 ст.18 ГПК РФ является нарушением закона (судья не может участвовать в рассмотрении дела, если является родственником сторон, других лиц, участвующих в деле).

И хотя само по себе установление факта родственных отношений или отношений свойства судьи с кем-либо из лиц, участвующих в деле, не служит безусловным основанием сомнения беспристрастности судьи, но весь ход судебного процесса и решение суда показали, что есть основания говорить о заинтересованности судьи в исходе дела, подвергнуть сомнению его объективность и беспристрастность.

— А другие нарушения были по делу?

— Да. Были нарушения норм материального и процессуального права. В судебном заседании вина завода в причинении истцам вреда бесспорно не была установлена. Имеются противоречивые заключения строительно-технических экспертиз. И при наличии таких противоречивых данных по делу не было назначено комиссионной судебно-строительной экспертизы.

Кроме того, определения о назначении строительно-технической экспертизы выносились в процессе подготовки дела к судебному разбирательству, в связи с чем ответчик в нарушение ст.ст. 74, 75 ГПК РСФСР был лишен возможности представить суду вопросы, которые должны быть разъяснены экспертом, а также высказать свое мнение о кандидатуре эксперта. Указанные недостатки не были исправлены и в ходе судебного разбирательства.

Причем, решать вопрос о способе возмещения ответчиком вреда: полное возмещение убытков либо в натуре (предоставление вещи того же рода и качества) суд имел право только после решения вопроса о размере ущерба, причиненного истцам. Судом этот вопрос не был разрешен, а сразу на ответчика была возложена обязанность предоставить всем истцам благоустроенные квартиры. Обязывая завод предоставить истцам квартиры, суд не проверил то обстоятельство, что двое из заявителей уже имеют на праве личной собственности благоустроенное жилье. Судом не было проверено и то обстоятельство, что в этих домах, принадлежащих истцам на праве личной собственности и подлежащих сносу в связи с отводом земельных участков под строительство, несколько семей были прописаны уже после принятия решения Балахнинским горсоветом в 1989 году о записании прописки. В одном из этих домов жилой площадью 44,7 кв.м, общей — 54,7 кв.м к моменту рассмотрения дела в суде оказались прописанными

десять человек. А в результате им было предоставлено жилой площади 94,3 кв.м.

Суд не учел также довод ответчика о том, что строительство многоэтажных домов в районе спорных улиц осуществлялось и другим предприятием и не привлек его к участию в деле в качестве ответчика. И это еще не все нарушения закона, имеющиеся по делу.

— Теперь понятно, что данное решение суда не отвечает основным требованиям, предъявляемым к судебному решению. А какова реакция других судебных инстанций?

— Ко мне мои доверители обратились после рассмотрения дела президиумом областного суда. По надзорной жалобе завода был принесен протест прокуратурой области. Однако президиумом областного суда этот протест был отклонен.

Считаю, что этими судебными инстанциями не были тщательно проверены доводы жалобы и протеста и все материалы дела. И уже в последующем по нашей жалобе было истребовано и изучено дело Генеральной прокуратурой, принесен протест. И сегодня этот протест удовлетворен.

— Скажите, что вас заставило взяться за дело, которое потерпело поражение в суде первой инстанции, кассационной инстанции и тем более, что протест прокуратуры области был отклонен?

— Мне трудно сейчас вспомнить с точностью те мысли, чувства и ощущения, что были у меня полгода назад. Но что я точно помню, так это веру в то, что незаконно, сколь бы длительным оно ни было, не может быть бесконечным.

Принимая к производству любое дело, осознанно и неосознанно сверяешься со своей совестью. Мне запомнилось размышление одного журналиста.

Он говорит: "Борясь за справедливость в узком плане, не предаю ли я ее в широком? И не получится ли у меня такого странного смысла, что у кого-то полхлеба жидкая, а у кого-то жемчуг мелкий? И не хлопочу ли я по поводу жемчуга?"

И когда я не по поводу жемчуга хлопочу, высшие законы справедливости удивительным образом помогают мне.

— А бывает, что по поводу жемчуга приходится хлопотать?

— Бывает, к безгрешным я не отношусь, хотя и стараюсь меньше грешить. С тех пор, как стала прислушиваться к голосу совести, интуиции, внутреннему голосу, как угодно назовите, уже реже, но бывает. Порой знакомые или близкие люди просят взять дело и не хватает решимости вовремя сказать: "Нет".

— Не каждое дело доходит до уровня Верховного суда РФ. И не по каждому делу отменяются все судебные постановления. Испытываете ли вы чувство радости после такой победы?

— Возможно, радость придет позднее, когда пройдет усталость от дороги, когда придет осознание того, что все не зря — огромное напряжение, бессонные ночи в процессе работы над материалами дела, над жалобами.

А возможно, радости и не будет, потому что победителей в судебном процессе, на мой взгляд, нет. Единственная победа, по-моему, которая заслуживает чувства радости и гордости, — это победа над собой, своими желаниями, страстями.

Москва - Прага

Представительство Гильдии российских адвокатов в Чехии и Словакии и переводческая фирма "INTERLINGUA SEPVIS" поможет разрешить вопросы подбора квалифицированных адвокатов для ведения дел в судах (арбитражное, гражданское, уголовное делопроизводство) и обеспечит эффективное консультирование при создании фирм (предприятий) и получении документов в соответствии с законодательством Чешской Республики на право осуществления предпринимательской деятельности и проживания в Чехии и Словакии, а также при покупке и продаже помещений для офисов и проживания. Гильдия российских адвокатов совместно с Союзом промышленников Чехии консультирует по вопросам разработки программ проведения бизнес-встреч, переговоров, семинаров и конференций, обеспечивает правовое консультирование и разработку программ пребывания на курортах Чехии для лечения и отдыха. При проведении выездных заседаний коллегий, директоров предприятий и фирм, встреч с европейскими партнерами в Праге фирма "INTERLINGUA SEPVIS" своевременно обеспечит переводы на любые языки и осуществит перевод с нотариальным заверением необходимых документов.

♦
Москва,

Гильдия российских адвокатов
тел.: 917-53-91
факс: 975-24-16

♦
Прага,

"INTERLINGUA SEPVIS"
тел.: (8-10-422) 24 91 52 00
факс: (8-10-422) 29 07 21

Есть вопрос!

Отвечает адвокат Иосиф ЛЮБИМОВ Тел.: 916-26-48

17 октября 1995 года я на своей автомашине марки ВАЗ-2107 ехал по Можайскому шоссе. Следовавшая за мной автомашина марки "Мерседес" на большой скорости пыталась обогнать мою автомашину слева и при этом столкнулась с моей автомашиной, деформировав задний бампер, заднее левое крыло и заднюю левую дверь. Удар был такой сильный, что мою автомашину вынесло на обочину, где в это время стояла грузовая автомашина, в которую моя автомашина ударила и деформировала правое переднее крыло. Согласно заключению автотехнической экспертизы виновником данного дорожно-транспортного происшествия признан водитель автомашины "Мерседес", который обязан возместить причиненный мне материальный ущерб. Однако водитель автомашины "Мерседес" заявил, что согласен отремонтировать только задний бампер, заднее левое крыло и заднюю левую дверь, а правое переднее крыло деформировано по моей вине и поэтому он его ремонтировать не будет, что его я обязан ремонтировать сам.

Правомерны ли требования водителя автомашины "Мерседес"?

А.Б.Козлов

Требования водителя автомашины "Мерседес" неправомерны. Заключение автотехнической экспертизы водитель автомашины "Мерседес" признан виновным в данном дорожно-транспортном происшествии.

Согласно ст. 444 Гражданского кодекса РСФСР: "Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в полном объеме. Причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его ви-

не. Столкновение вашей автомашины с грузовиком находится в прямой причинной связи с нарушением, допущенным водителем автомашины "Мерседес", ибо если бы он не столкнулся с вашей автомашиной, то ее не выбросило бы на обочину и она не столкнулась бы с грузовиком. Поэтому водитель автомашины "Мерседес" обязан возместить причиненный вам материальный ущерб в полном объеме.

В 1992 году моя мать завещала наш дом своему племяннику Г.В.Сальмину при условии постоянного ухода за нею. Однако Г.В.Сальмин никакой заботы о моей матери не проявлял, и 22 июня 1994 года моя мать оформила в нотариальной конторе договор дарения дома на мое имя. Несмотря на это, Г.В.Сальмин в настоящее время претендует на подаренный мне дом, ссылаясь на завещание, а также на то, что моя мать была психически больна. В судебном заседании было установлено, что моя мать психически здорова.

В июле 1994 года моя мать скончалась. Диагноз — острая сердечная недостаточность.

Законны ли притязания Г.В.Сальмина на дом, подаренный мне матерью?

В.В.Сальмин

Притязания Г.В.Сальмина на подаренный вам матерью дом необоснованны, а ваши права законны и неоспоримы.

Согласно ст. 256 ГК РСФСР: "По договору дарения одна сторона передает безвозмездно другой стороне имущество в собственность. Договор дарения считается заключенным в момент передачи имущества". С этого момента подаренный вам дом является вашей собственностью и не входит в имущество, завещанное Г.В.Сальмину.

В части того, что ваша мать якобы была психически нездорова, то согласно ст. 262 ГК РСФСР только решением нарсууда гражданин может быть признан недееспособным, т.е. психически неполноценным. Однако суду не были представлены доказательства болезни вашей матери, и таким образом она недееспособной не признана.

Вице-президент Гильдии российских адвокатов, председатель президиума Межтерриториальной специализированной коллегии адвокатов (г. Астрахань), кандидат юридических наук, член-корреспондент Международной академии информатизации Марина ИВАНОВА.

Фото Игоря Курашова

Сергей ЗОЛОВКИН,
 соб. корр. "Российского
 адвоката"
 по Краснодарскому
 краю

...КАК МИЛОСТЫНЯ НЕИМУЩЕМУ?

Социальное расслоение нашего общества — это не только деление на денежных и нищих. Есть опасение, что всеобщее право на защиту превратится вскоре в привилегию для избранных.

Вот дело, понятное как апельсин. Краевой центр. Заводской район. Вечер. В магазин врывается нетрезвый гражданин У., выхватывает из рук оторопевшего продавца товар стоимостью 275 480 рублей и пускается наутек. Грабителя берут с поличным через пару минут. Чистая 145-я, часть первая. Неприглядное будущее — до трех лет лишения свободы. Мрачное настоящее — уже полтора месяца под стражей в следственном изоляторе.

А вот известнейший в Краснодаре адвокат очень преклонного возраста с его неизменным обращением к любому чину и гражданину — "голуба моя". Зовут его Владимир Викторович... Впрочем, попросил он точных и полных анкетных данных своих не разглашать по причине, что изложена будет чуть ниже.

А вот и тот случай, коему всю оставшуюся жизнь будет благодарен У. Отказываясь от защиты, он с решимостью обреченного признавал за собой давний умысел на грабеж со всеми прочимиотягчающими обстоятельствами и все упрашивал следователя поскорее "засадить в тюрьму от такой жизни подальше". Охотно идя навстречу этому пожеланию бывшего трудящегося грузового автохозяйства, капитан из райотдела милиции без помех предъявил У. обвинение, но перед ознакомлением обвиняемого с материалами получил неожиданное и досадное неудобство.

Пройдя правовой "ликбез" на нарах следственного изолятора, коварный У. вдруг откликнулся на предложение статьи 201 УПК полистать тощий томик уголовного дела вместе с адвокатом. Но огорченного следователя честно предупредил о полной своей несостоятельности.

Как оказалось — не только материальной. После долгих бесед наедине со своим подзащитным, визитов в некоторые лечебные учреждения и задушевных разговоров с супругой без пяти минут осужденного У. раскрылись для Владимира

Викторовича новые обстоятельства, достойные пера Шекспира.

27 лет прожил У. со своей половиной душа в душу. Двоих детей подняли и в свет выпустили. Даже на стиральную машину-автомат "Вятка" накопить смогли. Но месяцев пять назад по ряду экономических и физиологических причин перестал вдруг У. ощущать себя и семейным кормильцем, и полноценным, простите, мужиком.

И если с отсутствием зарплаты в своем автохозяйстве он еще мог как-то смириться, с неожиданной утратой чего-то давнего и такого привычного в собственном организме 52-летний У. примириться не мог никак.

И когда благоверная словно бы и в шутку отметила это печальное обстоятельство в ходе платонического уединения, совсем огорчился и даже разгневался У., принял на ходу жестяную баночку водки "Россия" и выхватил у продавца специфического магазинчика "Секс и его принадлежности" импортный, вибрирующий и батарейками себя подогревающий агрегат во всю его интимную и внушительную величину.

Как удалось доказать Владимиру Викторовичу на суде, неизменной корысти в противоправном этом действе не имелось у подзащитного никакой. Исключительно для высоких воспитательных целей захотелось вдруг захмелевшему страдальцу бросить перед оскорбительницей недоступное по цене эротическое изделие да пожелать при этом семейной спутнице весь дальнейший ее жизненный путь преодолевать не с живым проверенным человеком, а с этой мерзкой, пластиковой штучкой...

Оправдательного приговора Владимиру Викторовичу добиться не удалось. Но и свободы человека не лишили, ограничившись условной мерой наказания.

Однако радости большой и гордости законной защитник не испытывает.

— Некого тут хвалить и нечего писать, голуба моя, — невесело вздохнул Владимир Викторович. — Стыдно, горько, пакостно, но таким, как этот У., я больше не помощник. И по

"сорок девятке" больше не ходок... На пенсию мне уже скоро... Зарабатывать надо. А бесплатный труд пусть для суб-ботников остается. Даром, что ли, коммунисты победили..

"Белая кость" и "черная работа"

"Сорок девятой" все юристы, не сговариваясь, называют предусмотренное статьей 49 УПК России назначение адвоката для защиты в процессе дознания, предварительного следствия или в суде без заключения соглашения с клиентом.

Склочная и скандальная эта процедура, по описанию многих следователей и самих адвокатов, выглядит сегодня примерно так.

— Почему опять я? Понимаю, что график, но сколько можно! Что, я самый крайний (няя), что ли?! Столько выездных сессий на моем счету, столько лет "граждане судьи, красный стол"... Пора уже нас, стариков, от этого безобразия освободить! Что у нас в коллегии начинающих мало? Вот их и "грузите"! Пусть руку набивают, учатся...

Желающие сберечь себе нервы и хорошие отношения с заведующим юридической консультацией действуют дальновиднее и дипломатичнее.

— Здравствуй, дорогой! — проникновенно и сердечно заглядывают они в глаза дознавателю или следователю. — Как жена-дети-здоровье? По старой дружбе шепни: денежные родственники у клиента имеются, а? Или он сам какой запасец припрятал? Так, чтобы не впустую работать, чтобы потом не поскупились, раскошелились... Сам знаешь, и тебя не обижу...

Безусловно, далеко не всегда и далеко не каждый из адвокатов способен на подобного рода торг, эдакое изучение рынка выгодного сбыта своих знаний и услуг.

Но из 27 следственных работников прокуратуры и милиции в Краснодаре и Сочи, с коими удалось побеседовать по ходу работы над этой публикацией, никто не назвал ситуацию с поиском и вызовом адвоката по назначению беспроblemной и бесконфликтной.

— Как и везде, среди адвокатов тоже есть безотказные и бескорыстные "пахари", — подытожим свои многолетние профессиональные наблюдения один из опытнейших следователей Сочинской горпрокуратуры Владимир Кирдеев, — но их становится все меньше и меньше. А тех, кто защиту по назначению принимает за обрыдлую "обязаловку", кто себя сильно любит и к "белой кости" относит, все больше... Эти "аристократы" и отказаться от "сорок девятки" пока боятся, и работу толком не делают. Такой халтурой начинают заниматься, что даже мне, стороне обвиняющей, обидно становится...

Обидно и адвокатам. Обидно выслушивать такие вот резкие упреки. В чем-то, наверняка, незаслуженные. Но во многом и справедливые. Даже совпадающие с мнением самих защитников по назначению.

Римма Левинсон по праву считается на Черноморском побережье грандом адвокатуры. Богатейший опыт, десятки блестяще выигранных громких процессов... И — обескураживающий вывод: "сорок девятка" в ныне существующем ее воплощении не нужна никому из участников процесса!

Это относится даже к подзащитным. Далеко не каждому из них достается ныне свой Владимир Викторович. В Гелен-

джике мне рассказали о случае, когда только в ходе предварительного следствия трижды менялись защитники по назначению, а четвертый стал знакомиться с уголовным делом только за сорок минут до судебного заседания. Для беседы с подзащитным через зарешеченное окошечко и в присутствии конвойных оставалось вообще десять минут! Стоит ли говорить, какой уровень защиты получил подсудимый?!

И причина тут даже не в уловках дознания либо предварительного следствия, стремящихся порой любыми законными и даже незаконными путями обойтись без защитника.

Сама по себе эта распространенная практика заслуживает отдельного исследования и обобщения. Тут и кочующие из одного уголовного дела в другие трафаретные, и зачастую, увы, полученные под давлением заявления типа "В адвокате не нуждаюсь, и это не связано с моими материальными возможностями". И расширительное, весьма вольное толкование статьи 47 УПК, предписывающей допуск назначенного ли, приглашенного ли защитника к подозреваемому с момента объявления ему протокола задержания.

На этот счет сочинский адвокат Роберт Атанесян напомнил из своей многолетней практики десятки милицейских и прокурорских "хитростей", когда будущего, ошеломленного, растерянного, неискушенного клиента адвокатуры оперативники "раскалывали" любыми доступными им методами, не подпуская защитника близко под благовидным внешне предлогом: это простой привод, это дача свидетельских показаний, это пока дружеская беседа...

В ходе такой "дружеской беседы" несколько лет назад пожарный из Свердловска вместо южного загара едва не получил срок за карманную кражу.

Плотно набитый кошелек под ногами, истерический возглас "Держи вора!" именно в тот момент, когда незадачливый отдыхающий рассматривал находку, жесткий психологический и даже физический прессинг сотрудников угрозыска... И вот признание выбито, только после чего назначенная по "сорок девятке" Татьяна Сорокина смогла приступить к работе.

Запуганный задержанный воспрял духом и после беседы с защитником от самоговора отказался. А Татьяна за свой счет привезла-таки потерпевшую из Кинешмы, куда та уже успела вернуться. С помощью ее показаний: "Могла и сама выронить из корзинки, кошелек лежал наверху, постоянно вываливался..." защитник по назначению добилась-таки прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления.

Оплаты за это проведенное исключительно на энтузиазме дело Сорокина дожидается до сих пор.

Сей рядовой, в общем-то, пример из адвокатской практики и дает главное, исчерпывающее объяснение неутешительному выводу Риммы Левинсон, пришедшей к горькому убеждению: право юридической защиты каждого в условиях нецивилизованного рынка и резкого социального расслоения общества остается не менее циничной и фальшивой декларацией, нежели в условиях былой командно-административной системы.

Только раньше главным в судьбе подсудимого либо подсудимого могло быть волевое решение власть имущего, "телефонное право" и только потом уж подкуп.

Теперь деньги важнее и однозначнее всего. И вопрос тут совсем и далеко не всегда в продажности следователя либо судьи.

Рынок, каким бы он у нас ни был, на все, вся и всех определяет теперь свою цену. А квалифицированная юридическая помощь повсюду товар весьма дорогостоящий. То есть требующий соразной своей важности и нужности оплаты. Чего об адвокатской защите по назначению сказать сегодня невозможно. Во всяком случае — в Краснодарском крае.

"Сегодня нас танцует тот, кто оплачивает музыку"

Внешне все выглядит вполне благопристойно. Есть узаконенное статьей 47 Уголовно-процессуального кодекса России и, казалось бы, исчерпывающее разъяснение: "Расходы по оплате труда адвокатов относятся на счет республиканского бюджета и в случае, когда адвокат участвовал в производстве дознания, предварительного следствия или в суде по назначению, без заключения соглашения с клиентом".

Есть правительственное Постановление N 1011 от 7 октября 1993 года об оплате труда адвокатов за счет государства. Есть Постановление президиума межреспубликанской коллегии адвокатов N 26 по этому же поводу. Есть, наконец, письмо Министерства юстиции РФ от 31 января 1994 года, согласованное с Минфином, МВД, Генеральной прокуратурой и еще почти с десятком министерств и ведомств, подробно разъясняющее механизм оплаты "сорок девяток" и строго обязывающее перечислять заработанную адвокатом сумму на счет юридической консультации в десятидневный срок.

Но вот старший следователь Центрального райотдела внутренних дел Татьяна Дьякова старательно отстукивает на машинке Постановление об отнесении расходов по оплате труда адвокатов за счет средств республиканского бюджета Российской Федерации.

"... Оплатить работу адвоката Наумик Елены Анатольевны за участие на предварительном следствии... Финансовому отделу УВД города Сочи перечислить 262 000 рублей на расчетный счет..."

Вдгон этому документу иду к милицейским финансистам.

— Шутите, да? — изумляется начальник финотдела Сочинского горуправления Иван Жуков. — Какие могут быть выплаты адвокатам, если у нас сотрудники по три месяца зарплату получить не могут!

Аналогичное мнение у всех финансовых служб края, обязанных оплачивать работу защитников по назначению. Насколько мне удалось установить, адвокатская работа по назначению нигде в крае из бюджета не оплачивается. Или же оплачивается с очень большим, порой годовым опозданием.

— Да никто из нас и не рассчитывает на государственные деньги за "сорок девяток", — признался мне один из самых известных в Туапсе адвокатов. — Кто-то еще возмущается. Кто-то, чаще из "старой гвардии", все еще принимает неоплачиваемую защиту за почетный профессиональный долг на общественных началах. Большинство же моих коллег бесплатную работу по назначению расценивают как ... милостыню беднякам, что ли. Хочу — подам сто рублей. Смогу — подарю тысячу... Ну а компенсацию таким "одолженникам" многие ищут среди толстосумов и прочих "новых русских..." Для них многие наши лучшие адвокаты и выкладываются, продают свои услуги по высшей ставке... Сами понимаете: кто для девушки заказывает музыку, тот ее, извините, и танцует...

Он знает законы. А я ... судью

Есть серьезное опасение, что такого рода "танцы" в обнимку с денежным мешком и впрямь сделают высококвалифицированную юридическую помощь мэтров адвокатуры привилегией особо избранных, обладающих материальной возможностью купить для себя самого лучшего, персонального, личного защитника.

Казалось бы, ничего страшного в подобной практике нет. Весь цивилизованный мир давно живет по принципу: "Не скажу ни слова, пока не увижу моего адвоката!"

Но это там, где газоны стригутся ежедневно и триста лет подряд, где законы вековечны и тверды, где нет гремучей смеси из угрюмого недовольства убогой жизнью одних и полной вседозволенности для других.

Навряд ли был бы возможен у них такой вот диалог, состоявшийся совсем недавно в славном Новороссийске меж одинаково известными, но совершенно по-разному обеспеченными материально юристами.

—И не надоело тебе гроши сшибать? — снисходительно спрашивал все еще безотказного "сорокдевятчика" лохотный и с иголочки одетый адвокат очень "крутого" портового магната. — Пока ты по кассации в краевом суде почти месяц бесплатно просидел, догадываешься, сколько я из патрона за выигранный арбитраж вытащил? А с такими деньгами, братец, уже можно жить по принципу: "Ты знаешь законы. А я - судью". И у кого тогда больше шансов на успех, а?..

* * *

Вопрос этот в теперешних наших условиях скорее риторический, возможно, утратил бы актуальность при введении института гарантированно и достойно оплачиваемых адвокатов, специализирующихся на юридической помощи именно малоимущим гражданам.

Насколько мне известно еще со студенческой скамьи, именно по такому принципу действует механизм реализации права на всеобщую защиту в США.

Понятно, что далеко нам еще до заокеанских возможностей. Но и материальные претензии среднего российского адвоката, как показал беглый телефонный опрос почти полусотни членов различных юридических консультаций края, не в пример американским коллегам, поразительно скромны.

— Хотя бы по 50 долларов, но только с гарантией их получения за каждую "сорок девяток". И в очереди за ней толкаться будем! На конкурсной основе выбирать станут! — с глубокой убежденностью сформулировал расхожее мнение Роберт Атанесян.

А в это время моя давняя знакомая, вконец замотанная непомерной нагрузкой следователь Наталья Лютова пятый час подряд накручивала диск телефона. Катастрофически истек срок, но дежурного по "сорок девятке" все было никак не найти.

Проверенный, но негласный "источник" проинформировал: этот адвокат сейчас занят другой, внезапно подвернувшейся работой. За нее ему обещано обязательно заплатить...

**На вопросы читателей
отвечает нотариус
Московской городской
нотариальной палаты
Ольга СИМКИНА.
Москва,
Тверской 6-р, 9-17,
тел.290-53-85.**

Я решила поменять свою приватизированную двухкомнатную квартиру на однокомнатную. Нашла вариант обмена, но когда обратилась к нотариусу, то в удостоверении сделки нам отказали, так как другая квартира была не приватизирована. Прав ли нотариус? И куда мне следует обратиться?

Н.Савушкина, г.Зеленоград

Да, нотариус поступил правильно. Нотариально удостоверяются сделки в отношении квартир, которые находятся в собственности граждан. Если же у одной из сторон квартира не приватизирована, следует обратиться в бюро обмена жилой площади.

Мне уже много лет. Живу одна в квартире. Решила внучке подарить квартиру. Пошла оформить дарственную к нотариусу, но мне там отказали, потребовав справку о выписке из квартиры. А я выписываться не собираюсь.

В.Кондакова, Липецкая обл.

Постараюсь пояснить ситуацию в отношении договора дарения, когда одна сторона (даритель) передает безвозмездно другой стороне (одаряемому) имущество в собственность. Дарение - это договор, который предполагает волю дарителя и согласие одаряемого на получение имущества в собственность. Если последний не изъявляет соответствующего желания или прямо отклоняет дар, то дарения нет. Для договора

дарения характерно, что даритель при жизни отчуждает другому лицу имущество добровольно и безвозмездно, т.е. без какой-либо компенсации со стороны одаряемого. Даритель, совершая дарение, обязан обеспечить возникновение права собственности одаряемого, свободного от обременения, в частности, прав третьих лиц (нанимателя, залогодержателя и др.).

Кроме того, даритель отвечает перед одаряемым за убытки, причиненные ему вследствие отчуждения подаренного имущества по иску третьего лица, а также тем, что в подаренной вещи имеются существенные недостатки. Одаряемый не несет никаких обязанностей перед дарителем, в том числе не отчуждать подаренное имущество или не совершать по поводу этого имущества другие сделки. Таким образом, договор дарения не может ограничивать право собственности одаряемого. Это означает, что, если вы решили подарить квартиру внучке, предварительно вам придется выписаться из нее. Что можно посоветовать? Оформить договор купли-продажи с условием пожизненного проживания, тогда и внучка ваша станет собственником и вы сможете остаться жить в своей квартире.

Я живу с малолетним сыном в приватизированной квартире. Недавно вышла замуж. И мы с мужем решили продать мою квартиру и прописаться к нему. Пошли оформлять договор к нотариусу, а там потребовали разрешение из органов опеки и попечительства. Справедливо ли требование нотариуса, ведь это мой сын, неужели без этого разрешения я не могу распорядиться своей квартирой?

Г.Маркина, г.Реутов

Согласна, что при совершении сделок с квартирами (купли-продажи, мены, дарения) это требование вызывает недоумение родителей, имеющих несовершеннолетних детей. Зачем нужна эта бумажная волокита? Но ведь еще совсем недавно горе-родители таким образом и оставляли своих детей без крыши над головой. В настоящее время ни один нотариус не удостоверит договор от-

чуждения комнаты, квартиры, где прописан несовершеннолетний, без получения разрешения из органов опеки и попечительства.

Кроме того, после нотариального удостоверения договора, а также после его регистрации в Департаменте муниципального жилья родители несовершеннолетнего обязаны оповестить данный орган о состоявшейся сделке.

Прошу разъяснить следующее положение. Я дал доверенность своему родственнику на вождение автомобиля. А могу ли я отменить ее? И вообще, в каких случаях она прекращает свое действие?

*А.Зубков, Армавирский район
Краснодарского края*

Если выдавшее доверенность лицо отменяет ее, оно должно известить об этом своего представителя, который обязан немедленно вернуть доверенность. Если представитель не возвращает доверенность, представляемый вправе обратиться в суд. Кроме этого, лицо, выдавшее доверенность и отменившее ее, обязано оповестить известных ему третьих лиц, для представительства перед которыми дана доверенность. Например, в вашем случае об отмене доверенности вы должны поставить в известность нотариуса и ГАИ.

Действие доверенности прекращается вследствие: истечения срока доверенности; отмены доверенности выдавшим ее лицом; отказ лица, которому выдана доверенность, от выполнения возложенных на него действий; прекращения существования юридического лица, от имени которого выдана доверенность и которому выдана доверенность; смерти гражданина, выдавшего доверенность, признания его недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим; смерти гражданина, которому выдана доверенность, признания его недееспособным, ограниченно дееспособным или безвестно отсутствующим.

*Дорогие читатели,
ждем ваших писем.*

ДОБРЫЙ ИМИДЖ АДВОКАТА

Не держите голову прямо!

— А как же ее держать, уважаемый автор?

— Так, чтобы подсознание вашего собеседника не "прочитало" ее как негативный знак. Чтобы таким образом не сформировался у него ваш негативный иррациональный имидж.

Допустим, вы выступили в суде с прекрасной речью и вызвали у слушавших примерно такие мысли: "Да, это голова!... И все-таки в нем есть что-то такое, что настораживает... Уж больно вид какой-то напористый. Агрессивный что ли?". Это значит, что вы получили у слушателей две оценки: на рациональном уровне — положительную ("Голова!", т.е. умный), а на иррациональном — увы, отрицательную. А "виной" негативному оттенку могла послужить... ваша голова. С помощью которой вы воздействовали как на сознание присутствующих (своей отточенной логикой), так и на их подсознание. В последнем случае воздействовали не умением говорить, а умением, вернее — неумением держать голову.

На наших семинарах (где участников — адвокатов обучали приемам воздействия на подсознание) слушателям предлагалось следующее задание: "Сейчас вы увидите четыре разных положения головы, которые могут быть у вашего собеседника. Вам следует ответить, какое из этих четырех положений вам было бы приятнее видеть". И удивительное дело: примерно 98 процентов участ-

ников семинаров указывали на одно и то же изображение. Причем независимо от профессии (а наряду с юристами у нас бывали и чиновники, предприниматели, педагоги, врачи), независимо от пола, возраста, социального статуса.

И получалось, что, оказывается, есть такое положение головы, которое определенно вызывает у людей — помимо их воли — чувство приятного. (А если приятное исходит от такого-то человека, то его и называют "приятным человеком" — читай: с позитивным имиджем.)

— Не интригуйте, автор! Лучше скажите, что это за такое "волшебное" положение головы?!

— А оно и в самом деле волшебное, раз большинство людей хотело бы его видеть у своего собеседника (и испытывать при этом чувство приятного). Только давайте сами выберем его. Это не трудно, поскольку чаще всего мы наблюдаем всего четыре положения головы, отражающих определенное внутреннее (психическое) состояние нашего собеседника.

Первое характеризуется тем, что подбородок чуть приближен к груди, а взгляд идет как бы из-под бровей. Представили себе такую голову? Прекрасно. А теперь попытайтесь ответить: какому психическому состоянию больше соответствует эта голова: а) радостно-счастливому, б) пассивно-созерцательному, в) угрюмо-настороженному или г) агрессивно-настроенному? Скорее всего вы угадали. Ибо именно про такое положение головы говорят: "Ишь как набычился!" Да, эта голова — "голова агрессора". Биологи считают, что так, набычившись, наши далекие предки защищали при встрече с опасностью свое самое уязвимое место — гортань, прикрывая ее нижней челюстью. (Кстати, понятно почему массивная челюсть у мужчины — "признак мужественности": маленьким подбородочком не прикрыть уязвимое место!).

Итак, взгляд исподлобья не может вызывать чувство приятного, скорее — чувство настороженности (это — как минимум). А теперь — в зал судебного заседания. Вы — за своим рабочим столом, сидите, слушаете обращенные к вам слова судьи. А ваша голова...? Если она — "голова агрессора", то подсознание вашего собеседника непременно это отметит. Со всеми вытекающими неблагоприятными для вашего имиджа последствиями. (Кому же приятно иметь дело с агрессивно настроенным человеком?)

А если люди часто видят вашу голову в таком положении? Тогда у них формируется (на иррациональном уровне) ваш устойчиво негативный имидж. Вы хотите, чтобы при общении с вами люди испытывали чувство тревоги? В том числе и ваш клиент с солидным кошельком? Нет ничего проще — подбородок к груди и взгляд из-под бровей. И скорее всего больше вы этого клиента в своем офисе не увидите. (Увы, в этой шутке немало горькой правды, подтверждаемой наблюдениями за адвокатами.) Если же вас не устраивает такой имидж, тогда ясно: уберите "голову агрессора" и пусть она появляется только тогда, когда в своей речи, обращенной к судьям, присяжным, вы будете осуждать то же, что осуждают и они.

Второе достаточно распространенное положение головы характеризуется тем, что она прямо откинута назад. Это — "голова властелина". Почему так названа? Да ведь так открывается наше самое уязвимое место. И позволить это себе может только властелин. Потому что уверен — никто не посмеет напасть. Про таких говорят: "Задрал нос, самодовольный!" Да не нос задрал, а подбородок! И подсознание его собеседников непременно оценит это "чрезмерное самодовольство" как нечто негативное. Кому же приятно, когда с ним разговаривают подобным образом? А теперь вопрос: если слова такой головы будут противоречить ее положению — чему верить? Верить тому, что меньше контролируется сознанием. А люди очень редко, выходя, думают о положении своей головы, их больше в этот момент заботит то, что они говорят. И получается, что вербальный язык (слова) менее искренен (более подвержен контролю сознания), чем язык кинетики (язык движений), о котором люди обычно не думают.

Итак, если люди будут часто отмечать у вас "голову властелина", то у них столь же часто будет возникать о вас мнение (возникать невольно) как о самодовольном человеке. И будет формироваться ваш имидж с отрицательным знаком ("самодовольство", "самоуверенность", "превосходство над другими" — эти характеристики оцениваются подсознанием людей негативно).

Третье положение головы: она чуть склонена набок (чаще к правому плечу) и при этом немного наклонена вниз. О чем "говорит" эта голова? Набок — так бывает, когда человек прислушивается, а наклон — знак уважения, почтения, смирения. И получается, что эта голова

как бы говорит: "Я внимательно вас слушаю и отношусь к вам с почтением!" Кому же не приятно такое? Всем приятно. Вот почему эта голова — "голова внимающего" — подавляющим большинством людей оценивается как "голова, вызывающая чувство приятного". Помните, 98 процентов участников наших семинаров называли только одно положение головы, которое им было бы приятно видеть у своего собеседника? То было именно такое ее положение.

Впрочем, не спешите думать, будто автор сейчас будет рекомендовать его всем и всегда. Ведь мы еще не обсудили четвертое положение головы, которое демонстрировалось участникам наших семинаров.

Это — "голова президента". Она "стоит" отчасти из "головы внимающего" и отчасти — из "головы властелина". Склоните голову чуть набок и при этом откиньте ее назад — и вы достигнете именно такого эффекта. "Голова президента" как бы говорит: "Я внимательно вас слушаю, но все-таки не забывайте,

кто я!" Другими словами: внимание к собеседнику с одновременным проявлением чувства собственного достоинства; "плюс" от склонения головы набок как бы компенсирует "минус" приподнятого подбородка, а в результате — не "самодовольство", а "чувство собственного достоинства".

А теперь решим: иметь ли адвокату "голову внимающего" или "голову президента"? (В том, что ни "голова агрессора" и ни "голова властелина" ему не подходят, думаю, сомнений нет.) Так вот "голову внимающего" хотелось бы видеть чаще, чем "голову президента". Первая активнее вызывает у большинства людей чувство приятного, чем вторая. Однако своего визави — прокурора — адвокату, полагаю, следует слушать все-таки с "головой президента". Как и того напористого свидетеля, который со стороны обвинения. А вот пришедшему к вам первый раз посетителю лучше продемонстрировать "голову внимающего". И только тогда, когда он уже решил стать вашим клиентом, вы можете

показать знак собственного достоинства — "голову президента" (но, Боже упаси, "голову властелина" — подсознание клиента в два счета докажет его сознанию, что с этим надменным адвокатом лучше не связываться).

И еще: обязательно формируйте "голову внимающего", когда ваш собеседник — ребенок, подросток или весьма пугливый (залуганный) человек, которого надо расположить к себе. Ибо "голова внимающего" в отличие от "головы президента" не только вызывает к себе уважение, но и располагает собеседника к себе.

Словом, если вы хотите вызвать у своих собеседников помимо их воли чувство приятного, склоняйте свою голову. И не в противоположную от него сторону, но в сторону собеседника.

Александр ПАНАСЮК,
доктор психологии,
профессор Российской
правовой академии

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Июнь

2 июня 1962 года войска применили оружие против демонстрантов в Новочеркасске, протестовавших против повышения цен на молоко и мясо при одновременном снижении расценок оплаты труда. 24 человека убиты, 39 ранены, 114 осуждены, их них 57 — к расстрелу.

4 июня (24 мая по ст.ст.) 1705 года бывший кузнец Никита Демидов получил по указу Петра I право на строительство заводов на Урале.

8 июня 1934 года ЦИК СССР дополнил Положение о государственных (контрреволюционных) преступлениях статьями об измене Родине.

14 июня (2 по ст.ст.) 1897 года Николай II из-

дал закон об ограничении рабочего дня в промышленности. Работа допускалась в течение 11,5 часа.

15 мая 1215 года английский король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей. Она не допускала произвольный арест дворянина (баронета) и налогообложение. К 1688 году эти положения были распространены на всех британцев.

19 июня (7 по ст.ст.) 1899 года Николай II утвердил Монетарный устав Российской импе-

рии, закрепивший переход к золотой конвертации рубля.

19 июня 1992 года впервые установлен предельный срок сокрытия от общества засекреченных сведений. Для основной массы документов он определен в 30 лет. Сведения о внешней разведке хранятся 50 лет, о личной жизни граждан — 75 лет.

20 июня (8 по ст.ст.) 1860 года указом Александра II учреждены судебные следователи. Отныне полиция осуществляла только предвари-

тельное дознание по фактам, имеющим признаки преступлений.

23 июня (11 по ст.ст.) 1873 года за нарушение правил публикации материалов о государе Петербургской окружной суд приговорил редактора газеты "Гражданин" Федора Достоевского к штрафу в 25 рублей и двум суткам ареста на гауптвахте.

26 июня 1940 года указом Президента Верховного Совета СССР запрещен "самовольный уход" рабочих и служащих с предприятий. Такое преступление каралось лишением свободы до 4 месяцев, а опоздание на работу — исправительными работами до 6 месяцев.

В музее российской адвокатуры, о котором в конце истекшего года писал наш журнал, среди исторических документов, фотографий, других свидетельств далекого прошлого есть групповой фотоснимок, на котором запечатлен известный российский адвокат, бывший министр юстиции Временного правительства, а уже в годы советской власти — глава столичной адвокатуры Павел Николаевич Малянтович. Но примечательно, что на этом же снимке запечатлен и его помощник Андрей Вышинский, который в годы сталинских репрессий стал палачом Малянтовича, своего учителя. Какая страшная связующая их судьбы нить...

О многих репрессированных, погибших в кровавой мясорубке сталинской эпохи, известно не так уж и много. В годы террора слуги "вождя народов" старались стереть из человеческой памяти судьбы сотен тысяч людей. Безвинно судимых, безвинно погибших. Почти вся семья, все родственники Павла Николаевича были вместе с ним уничтожены. Расстреляны документы, фотографии, прошлое...

И все же правда жизни восстановила светлое имя Павла Николаевича Малянтовича. И конечно же, настоящей журналистской удачей стала возможность встретиться с ныне здравствующим внуком Павла Николаевича — Кириллом Георгиевичем Малянтовичем, который любезно предоставил редакции свои воспоминания о гряде отечественной адвокатуры.

**Кирилл
МАЛЯНТОВИЧ**

Керенский назначил министром

На одном из первых допросов в НКВД следователь, прочитав мою фамилию, удивленно поднял голову: "Малянтович?! Это не твой ли родственничек Ленин приказал арестовать?"

— Но он же его и предупредил об аресте, — попытался я возразить, рассказать следователю историю необычной жизни своего деда. Само собой разумеется, что сделать это мне тогда не удалось. Впрочем, если говорить честно, в то время я не так уж и много знал о своем родственнике, и поведать более-менее подробно о жизни видного русского юриста Павла

Николаевича Малянтовича появилась возможность лишь сейчас.

Но прежде, чем приступить к рассказу, отмечу, что в биографии моего деда, как в зеркале, отразилась судьба той части русской либеральной интеллигенции, которая, увлеченная идеями служения народу, встала на путь революционной борьбы и оказывала посильную помощь

П.МАЛЯНТОВИЧ (в первом ряду второй слева) в перерыве одного из судебных процессов. 1906 г.

борцам с самодержавием.

Эти люди, всей душой принявшие Февральскую, а затем и Октябрьскую революции, с чистым и открытым сердцем начали сотрудничество с молодой Советской властью. И пали ее жертвами в годы сталинизма.

Правда, когда в тридцать седьмом дед был репрессирован, мне было всего 13 лет, и воспоминания о тех годах, о том времени – детские, отрывочные.

Наша семья тогда жила в уютном старинном особнячке на углу так часто воспеваемых в литературе московских переулков – Староконошленного и Сивцева Вражка.

Вообще тихие приарбатские переулки несли в себе память старой Москвы, сберегли еще стародавние названия: Филипповский, Афанасьевские, Большой и Малый Власьевские и другие.

катуры! Пока я жив, помогу..."

Через некоторое время мой отец без помощи Павла Николаевича стал адвокатом. Помогли житейская мудрость, находчивость, общительность характера, блестящая память. Следом за отцом под знамена адвокатуры был призван и брат Павла Николаевича Владимир, который из-за войны и революционных баталлий имел незаконченное юридическое образование. Оба они оказались способными учениками своего отца и вскоре получили известность в рядах московской адвокатуры.

Шло время. Над страной сгустились тучи. Помню, как обсуждались в нашей семье политические процессы тридцать шестого года. Всех удивляло самообвинение подсудимых, поражавшее признаниями в совершенно нереальных злодеяниях. Даже мне, мальчишке, казалось удивитель-

бирал исполнителей на роли министров, ему кто-то подсказал, что в Москве живет и, что интересно, все еще работает бывший министр юстиции Временного правительства Малянтович. Понятно желание Ромма получить от Павла Николаевича консультацию об Октябрьских событиях. Он был безмерно благодарен за его откровения, но, зная обстановку, убрал из фильма почти все, что было связано с бывшим министром юстиции. Правда, остался только эпизод, в котором Керенский (кстати, в дореволюционные годы – ученик Павла Николаевича на адвокатском поприще) спрашивает одного из сидящих за столом: "А что, Павел Николаевич, ищите Ленина?" — "Ищем, ищем, Александр Федорович..."

Через два месяца после исключения Павла Николаевича из коллегии адвокатов его арестовали. Вместе с ним забра-

ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Недалеко от нас, на бывшей Пречистенке, переименованной к тому времени в Кропоткинскую, на углу Лопухинского переулка стоял большой, так называемый "доходный" дом, в котором жил мой дедушка – Павел Николаевич.

В его квартире все поражаало мое детское воображение: высоченные потолки, массивные двери, большущие окна. В кабинете – многочисленные шкафы с книгами. Золотыми корешками сияло много томное "Уложение о наказаниях Российской империи", замененное в советское время тоненьким "Уголовным кодексом СССР". На стенах висели картины, из которых выделялся "Погост" Калмыкова. Но особенно меня поражал сейф. Настоящий сейф в стене, замаскированный одной из картин, которая сдвигалась в сторону на особом кронштейне.

...Шел 1935 год, когда однажды, будучи у нас, дед сказал отцу: "Пора тебе, Горька, бросать свой Торфопродукт (отец в то время там работал). Переходи-ка в адво-

ном, что никто не пытался оправдаться, опровергнуть ужасные обвинения.

Однажды отец привел на обед своего знакомого, и тот рассказал, что был на заседании суда в Колонном зале. Ему как члену партии дали в райкоме входной билет на процесс "правотроцкистского блока". "Там на скамье подсудимых в ряду обвиняемых сидел Дробнис, – рассказывал он отцу. – Я-то с Дробнисом не один год вместе работал. Это был не он..."

Наступил тридцать седьмой год. Пошли массовые аресты. Отец возвращался домой все более и более мрачным. Ежедневно велись разговоры – кого вчера взяли. Первый тревожный звонок раздался и в нашей семье: деда исключили из Московской коллегии адвокатов. И надо же, в это время Павлу Николаевичу нанес визит известный кинорежиссер Михаил Ромм, приступивший тогда к съемкам фильма "Ленин в Октябре". В фильме, как известно, есть сцены с показом Временного правительства. Когда же Ромм под-

ли Владимира, сына Павла Николаевича, и племянника. Все мы, оставшиеся на свободе члены семьи Малянтовичей, застыли в ужасном предчувствии, но какое-то время полоса арестов обходила нас стороной. Увы, ненадолго. В тридцать восьмом достали и нас. Почти все члены нашей семьи были арестованы. И почти все были расстреляны. Не обошла 58 статья как родственника "врага народа" и меня. Благо, пуля обошла...

Больше Павла Николаевича увидеть не довелось. Лишь спустя годы удалось узнать о его последних годах жизни, восстановить многое из того, что в детские годы было недоступно.

Морозовское наследие

Павел Николаевич Малянтович родился в Витебске в 1860 году. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Но

в 1889 году был из него исключен "за участие в студенческих беспорядках". И выслан из белокаменной. Завершать образование пришлось в Дерптском университете. Возвратившись в 1893 г., он вступил в члены Московского совета присяжных поверенных (адвокатов). Одновременно работал помощником знаменитого русского адвоката Ф.Н.Плевако. Работа со столь известным юристом придавала Павлу Николаевичу определенный вес в адвокатских кругах: не случайно в своих визитных карточках он подчеркивал, у кого является помощником.

Работая с Плевако, дед прошел хорошую школу и, начав самостоятельную деятельность, довольно быстро занял видное положение среди московской, а затем и российской адвокатуры. Совместно с другим видным адвокатом того времени Н.К.Муравьевым он основал группы политических защитников.

Спустя некоторое время Павел Николаевич открыл свою юридическую контору, и у него, в свою очередь, появились помощники. Ими стали два человека, оставившие впоследствии заметный след в отечественной истории: Александр Федорович Керенский и Андрей Януарьевич Вышинский. Притом оба сыграли трагическую роль в его судьбе.

Наряду с гражданскими и уголовными делами Павел Николаевич участвовал в крупнейших политических процессах – на его счету их было более сотни. Вот лишь некоторые из них. Это дело "Обуховской обороны", процесс большевистской фракции Государственной думы. Совместно с Н.Муравьевым он защищал участников восстания на крейсерах "Азов" и "Очаков", а также членов декабрьского вооруженного восстания 1905 года. В его активе защита сормовичей, в числе которых был Петр Заломов – прототип горьковского Павла Власова.

В 1905 году Павел Николаевич был адвокатом группы армян, обвиненных в восстании в Эривани, Карсе и Александрополе. За проведение этого процесса он получил благодарность от Католикоса всех армян, его фотографию с дарственной надписью. К сожалению, она, как и многие другие документы, была конфискована при аресте.

Одним из знаменитейших дел деду было дело о так называемом морозовском наследстве. В 1906 году скончавшийся с собой промышленник Савва Морозов завещал 100 000 рублей партии большевиков. Они, как известно, в то время находились в подполье, а часть руководства во главе с Лениным – в эмиграции. Слож-

**Павел Николаевич
МАЛЯНТОВИЧ**

ность получения денег заключалась в том, что завещаны они были нелегальной партии. Кроме того, семья промышленника, узнав об этом пункте завещания, тут же подала в суд о признании Саввы Морозова душевнобольным и опротестовала завещание.

Получить деньги Ленин поручил Л.Красину, находившемуся в Петербурге в качестве уполномоченного электрокомпании "Сименс – Шуккерт" в России. Это положение предоставляло Красину большие возможности для ведения партийной работы, и его, естественно, расшифровать было нельзя. Поэтому Красин попросил М.Горького, с кем был близок, подыскать опытного юриста для проведения столь деликатного и сложного дела. Тот обратился к Павлу Николаевичу. И хотя участие в деле, за которым пристально следила царская охранка, было связано с немалым риском, дед дал согласие и с блеском выиграл его вначале в суде, затем в Сенате.

Павел Николаевич также вел защиту участника вооруженного восстания на Красной Пресне фабриканта Николая Шмита, а после его гибели добился постановления третейского суда о передаче большевистской партии его денег – колоссальной по тем временам суммы – 600 000 рублей.

Одновременно с политическими процессами Павел Николаевич участвовал во множестве гражданских и уголовных дел (например, прогремевшее в 1913 году "Дело Бейлиса"), что принесло ему широкую популярность в России.

"Я выбрал последний путь..."

Наступил 1917-й год. И тут в судьбу деду вмешивается первый из его помощников – Александр Керенский. Став премьер-министром Временного правительства, он настоял на том, чтобы Павел Николаевич занял в нем пост министра юстиции. Дед дал "добро", тем более, что в это время он, не согласный с экстремистской политикой большевиков, вступил в партию меньшевиков. В ней он, к слову говоря, пробыл недолго – до ноября 1917 года – и больше ни в какой партии не состоял.

Во время своего короткого пребывания на посту министра юстиции Павел Николаевич после провала июльской попытки большевиков захватить власть визирует приказ об аресте Ленина, отданный следователем по особо важным делам Александровским. Визирует приказ и... предупреждает Ленина (по некоторым данным, через Дзержинского), советует ему немедленно скрыться, что тот и сделал.

Эту парадоксальную ситуацию можно объяснить следующим: с одной стороны, Павел Николаевич выполнял свой долг, приказывал арестовать преступника, готовившего государственный переворот, с другой – сработали, видимо, их давние дружеские отношения. Нельзя сбрасывать со счетов и корпоративные факторы: ведь и Ленин был хоть каким-никаким, а юристом...

В октябре 1917 года после захвата большевиками Зимнего дворца Павел Николаевич был арестован вместе с другими министрами, заключен в Петропавловскую крепость. В декабре они были отпущены. Павел Николаевич же и министр путей сообщения Ливеровский уже через день после ареста были освобождены из-под стражи. В благодарность за спасение и прошлые заслуги Ленин выдал ему охранный грамоту и закрепил за ним занимаемую в Москве квартиру как не подлежащую реквизиции и уплотнению.

Несмотря на наличие охранный грамоты, в декабре 1917 года деду снова арестовали. Теперь уже по делу следователя по особо важным делам Временного правительства Александровского. После суда – освобождение.

Голодный восемнадцатый год заставляет Павла Николаевича перебраться к брату на Дон. Но мирную станичную жизнь прервала начавшаяся гражданская война. Новый переезд – сперва в Пятигорск, а затем в Екатеринодар (нынешний Краснодар), где он поступил на службу в отдел народного образования. Кстати, в то вре-

мя при нем помощником состоял молодой Самуил Маршак.

Об этом периоде жизни Павел Николаевич рассказывал так: "У меня было три пути: я мог уехать за границу, мог примкнуть к контрреволюционному движению на юге России (Павлу Николаевичу предлагали пост министра юстиции в белогвардейском правительстве Деникина) и, наконец, я мог остаться в советской России. Я выбрал последний путь..."

В 1921 году по вызову наркома юстиции Курского и наркома просвещения Луначарского, по распоряжению Ленина Павел Николаевич едет в Москву для работы юрисконсультом ВСНХ. Кроме того, нарком Курский привлек его к участию в работе редколлегии первой Конституции РСФСР, к созданию органов социалистической юстиции. Он был избран членом президиума Всероссийской коллегии адвокатов, председателем Московской коллегии адвокатов.

И все же в период "чисток", проводившихся в конце двадцатых, деда арестовали, и он четыре месяца провел в Бутырской тюрьме. От более крупных неприятностей его спасло наличие охранной грамоты, подписанной Лениным, и заступничество старых большевиков, в частности Н.Крупской.

Как и в дореволюционные годы, Павел Николаевич участвует не только в уголовных и гражданских делах, но и в групповых политических процессах. С такой же смелостью и принципиальностью, с которой в царское время защищал участников революционного движения, теперь он выступал в защиту людей, попавших под "красное колесо". Тут Павел Николаевич столкнулся с новой большевистской законностью, когда приговор был фактически предрешен, а суд являлся политическим спектаклем.

Тем не менее Павлу Николаевичу вместе с другими адвокатами удалось развалить сфабрикованное дело так называемой Крестьянской партии. Но это произошло только один раз. В остальных же случаях инспирированные Сталиным и его окружением процессы шли к своему трагическому концу. Тогдашний прокурор Крыленко, громя "врагов народа", не предполагал, что со временем и его самого постигнет та же участь. И он ушел в подвалы Лубянки под пулю "исполнителя". Ушел, чтобы освободить место для еще более изощренного и подлого прокурора - Андрея Януарьевича Вышинского! Так на политическом горизонте взойшла звезда еще одного бывшего помощника Павла Николаевича.

А.КЕРЕНСКИЙ. 1917 г.

А.ВЫШНСКИЙ. 1945 г.

За отсутствием состава преступления

Когда деда арестовали, его жена Анжелика Павловна добилась приема у Генерального прокурора СССР Вышинского. Она умоляла его пощадить мужа, упала в ноги, но тот, когда-то лебезивший перед Анжеликой Павловной, считавший за честь нести ее зонтик, теперь стал пинать ее ногами и кричать: "Собаке - собачья смерть!"

Избитая женщина ушла без малейшей надежды на спасение мужа.

Павла Николаевича содержали в Лефортовской тюрьме до 1940 года. От деда изощренными пытками добивались показаний о якобы имевшем место "заговоре юристов", о том, что под его руководством была создана контрреволюционная организация.

Разумеется, ему припомнили злополучный приказ семнадцатого года. Охранная же грамота, подписанная Лениным, изъятая при аресте, силы уже не имела. Более того, она оказалась чем-то вроде "отягчающего вину обстоятельства". В деле есть приговор о расстреле, но комбриг Катанян, лежавший вместе с дедом в лазарете Лефортова, утверждал, что Павел Николаевич умер у него на руках в тюремной больнице - не вынес пыток. Так ли это? Трудно сказать: в деле есть квитанция "исполнителя" о "проделанной работе"...

Много лет я ничего не мог сделать для реабилитации деда. Уже были разоблачены злодеяния сталинистов, наступили времена перестройки. Уже вовсю пародисты высмеивали Ленина, а мои попытки реабилитировать Павла Николаевича раз за разом натькались на инерцию правоохранительных органов. И лишь в 1992 году решением Прокуратуры Российской Федерации Павел Николаевич Малянтович был полностью реабилитирован. Справку о реабилитации я бережно храню, ее копию представляю редакции, думаю, ее содержание небезынтересно нашим читателям. Хочу надеяться, что мой рассказ не только приподнимет завесу забвения над жизнью Павла Николаевича Малянтовича, но и поможет лучше понять судьбу отечественной либеральной интеллигенции, неразрывно связанную с судьбой России.

"Личный адвокат" гражданина и предприятия

Ни для кого не секрет, что вопросы, касающиеся уголовного и административного права, волнуют сегодня не только узкий круг юристов-профессионалов, но и всех, кто в силу жизненных обстоятельств столкнулся с необходимостью обращения к юристу или адвокату. Так называемые "криминальные" явления жизни становятся будничными, и для того, чтобы противостоять им, необходимо вооружиться знанием своих прав и обязанностей. Всем хорошо известно, что незнание закона не освобождает от ответственности, но мало кто может с уверенностью сказать, что знает закон.

Разработанная по технологии ГАРАНТ база "Уголовное и административное право" станет "личным адвокатом" любого предприятия или гражданина и удовлетворит потребности юриста-профессионала. Она позволяет выяснить полномочия правоохранительных органов и защититься от неправомерных действий должностных лиц этих органов, указывает, за какие деяния (в том числе хозяйственные) предусмотрена уголовная или административная ответственность, определяет порядок проведения оперативно-розыскных действий, порядок применения мер ответственности к правонарушителям.

База содержит 4 кодекса: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Исправительно-трудовой, Кодекс об административных правонарушениях, все действующие постановления пленумов Верховного суда СССР и Верховного суда РСФСР, определения судебных коллегий Верховного суда РФ и огромное количество уголовно-процессуальных и административных правовых норм, разбросанных по тысяче нормативных актов.

База "Уголовное и административное право" разделена на тематические блоки и имеет следующую структуру:

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Уголовный кодекс РСФСР

Общие положения уголовного законодательства

Пределы действия уголовного закона

Преступление, вопросы соучастия

Назначение наказания и освобождение

от наказания, условное осуждение

Принудительные меры медицинского и

воспитательного характера

Государственные преступления

Преступления против жизни, здоровья, свободы и

достоинства личности

Преступления против политических, трудовых, иных прав и

свобод граждан

Преступления против собственности

Хозяйственные преступления

Должностные преступления

Преступления против правосудия

Преступления против порядка управления

Преступления против общественной безопасности, порядка,

здоровья граждан

Преступления, составляющие пережитки местных обычаев

Воинские преступления

Помилование, амнистия, реабилитация

Пересмотр решений, вступивших в законную силу

Производство по делам несовершеннолетних

Производство по применению принудительных мер

медицинского характера

Протокольная форма досудебной подготовки материалов

Производство в суде присяжных

Помилование, амнистия, реабилитация

Формы документов

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ

ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕ И СУДОУСТРОЙСТВЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОКУРАТУРЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ АДВОКАТУРЕ

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Милиция, ГАИ

Налоговая полиция

Внутренние войска

Органы федеральной службы безопасности

Органы государственного пожарного надзора

Органы федеральной пограничной службы

Таможенные органы

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОХРАНЕ

ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И БЕЗОПАСНОСТИ

Общие вопросы охраны общественного порядка и

общественной безопасности

Безопасность дорожного движения

Пожарная охрана, противопожарные мероприятия

Охрана предприятий и учреждений, вневедомственная

охрана

Частная детективная и охранный деятельность

Порядок продажи, хранения и использования оружия

Паспортная система, прописка, регистрация

Борьба с организованной преступностью и коррупцией

Борьба с детской беспризорностью

Борьба с бродяжничеством, попрошайничеством

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР

Подсудность

Участники процесса, их права и обязанности

Обстоятельства, исключающие возможность участия в

процессе, отводы

Доказательства

Меры пресечения

Протоколы, сроки и судебные издержки

Возбуждение уголовного дела, дознание и

предварительное следствие

Производство в суде первой инстанции

Производство в кассационной инстанции

Исполнение приговора

Все документы представлены в действующей и существовавших ранее редакциях, что дает уникальную возможность определить, какая норма права действовала в любой момент начиная с 1961 г.

ГАРАНТ

За дополнительной информацией обращаться:

тел.: (095)938-26-30, тел./факс: (095)938-26-31(общая информация)

тел.: (095)939-48-49, тел./факс: (095)932-92-17(региональные представительства)

ЗАСТАВЬТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РАБОТАТЬ НА ВАШЕГО КЛИЕНТА.

ИСПОЛЬЗУЙТЕ СИСТЕМУ ГАРАНТ.

Включите компьютер, и любая правовая информация у Вас под рукой. ГАРАНТ содержит более 25000 нормативных актов, и помогает найти нужный при минимуме информации о нем. Комментарии юристов предупреждают об изменении или прекращении действия документов, выявляют скрытые связи между ними, помогают разрешить противоречия. Новые документы поступают в ГАРАНТ непосредственно из Аппарата Президента, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда, Минфина, Минэкономики, Центрального банка России.

Новая база "Уголовное и административное право"

содержит 4 кодекса: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Исправительно-трудовой и Кодекс об административных правонарушениях, все действующие постановления пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, определения Судебных Коллегий Верховного Суда и огромное количество уголовно-процессуальных и административных правовых норм, разбросанных по тысяче нормативных актов. Все документы представлены в действующей и существовавших ранее редакциях, что дает уникальную возможность определить, какая норма права, действовала в любой интересующий момент начиная с 1961 г.

Базы ГАРАНТА по всем разделам законодательства:

Законодательство России
Банковское законодательство
Таможенное законодательство
Жилищное законодательство
Землепользование. Недропользование. Природоохрана
Международное право (Россия-СНГ)
Налогообложение и бухгалтерский учет
Формы правовых документов
Московское и региональное законодательство
Толковый словарь "Бизнес и право"

**СИСТЕМА
ГАРАНТ®**

Позвоните, и к Вам бесплатно приедет специалист для демонстрации системы
119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, НПП "Гарант-Сервис"
тел.: (095) 938 2630; тел./факс: (095) 938 2631 (общая информация)
тел.: (095) 939 4849; тел./факс: (095) 932 9217 (информация по регионам)
e-mail: dealers@gardeal.msk.ru

Журнал
"РОССИЙСКИЙ АДВОКАТ"

подписной индекс
для индивидуальных подписчиков
72745

для предприятий и организаций
72746

ISSN 1025-7225
Rossijskij advokat